

На правах рукописи

М А Ш К О В Ц Е В Андрей Анатольевич

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В
ОТНОШЕНИИ КАТОЛИКОВ И ПРОТЕСТАНТОВ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре отечественной истории

Научный консультант: доктор исторических наук, доцент
Балыбердин Юрий Александрович

Официальные оппоненты:

Лавров Владимир Михайлович – доктор исторических наук, ФГБУН Институт российской истории РАН, главный научный сотрудник Центра истории религии и церкви (г. Москва)

Маслова Инга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», профессор кафедры всеобщей и отечественной истории (г. Елабуга)

Макарова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Сыктывкарский государственный университет», профессор кафедры связей с общественностью и рекламы (г. Сыктывкар)

Ведущая организация - ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань).

Защита состоится 15 декабря 2015 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 407.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4 Б. Полный текст диссертации размещён на сайте Удмуртского государственного университета <http://udsu.ru/>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://udsu.ru/>.

Автореферат разослан «__» ноября 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Г. Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы. Россия на протяжении всей своей более чем тысячелетней истории всегда отличалась сложным конфессиональным составом населения. Помимо приверженцев государственной Православной церкви и нехристиан (например, мусульман) здесь жили адепты иных христианских конфессий, в частности католики и протестанты.

До XVIII в. численность инославных христиан в России была крайне незначительна, и они проживали, в основном, в Москве, а также в крупных торговых центрах страны. Однако после создания Российской империи ситуация резко изменилась. Вхождение в состав России новых земель и переселение иностранных колонистов привели к многократному увеличению численности католиков и протестантов на ее территории. При этом большинство представителей данных конфессий проживали компактной массой на западных и северо-западных границах империи, а исповедовавшие католицизм и протестантизм народы обладали развитым этническим самосознанием. В такой ситуации руководство империи должно было проводить достаточно осторожную и гибкую политику в отношении указанных религиозных групп, для того чтобы сохранить религиозный мир в стране и не спровоцировать рост сепаратистских тенденций на национальных окраинах.

Реализуемая центральными и региональными властями конфессиональная политика в отношении российских католиков и протестантов не всегда была продуманной и в ряде случаев приводила к драматическим результатам, тем не менее в течение более чем двухвековой имперской истории России был накоплен огромный позитивный опыт государственно-церковных отношений, который, несомненно, может быть востребован и на современном этапе.

Осуществляя исторический анализ конфессиональной политики, важно использовать опыт не только центральных, но и региональных органов власти, поскольку последние, даже при жесткой централизации системы управления, реализовывали вероисповедный курс с учетом этнической, культурной и социальной специфики своих регионов.

Объектом исследования является конфессиональная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Предмет исследования – политика центральных и региональных властей в отношении Римско-католической церкви и крупнейших протестантских религиозных организаций (лютеран, баптистов и евангельских христиан) на территории Среднего Поволжья и Приуралья.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала правления императора Александра II (1855 г.) до свержения самодержавия в ходе Февральской революции 1917 г. Выбор указанного временного промежутка объясняется тем, что в это время в России происходят

масштабные преобразования, затронувшие, в том числе, и ее конфессиональную политику. Именно в данный период наиболее четко прослеживается эволюция религиозного курса российского правительства в отношении инославных христиан, прошедшего путь от различных форм дискриминации и ограничения их прав до провозглашения свободы вероисповедания в 1905 г. Однако завершить религиозные реформы и окончательно уравнивать в правах православных с католиками и протестантами царскому правительству не позволила начавшаяся Первая мировая война, а затем и революционные события февраля – марта 1917 г.

Территориальные границы исследования включают в себя три крупнейшие губернии Среднего Поволжья и Приуралья – Вятскую, Казанскую и Пермскую. Выбор этих границ обусловлен несколькими причинами. Во-первых, конфессиональная политика российских властей в отношении католиков и протестантов данного региона чрезвычайно слабо изучена, в отличие, например, от Нижнего Поволжья, где указанной проблеме посвящено несколько серьёзных исследований¹. Во-вторых, реализуемый здесь вероисповедный курс имел заметную специфику, обусловленную хозяйственными, этническими и культурными особенностями Волго-Уралья. В-третьих, названные губернии были очень тесно связаны друг с другом как в экономическом, так и в административном отношении. К примеру, в 1863–1864 гг. Вятская, Казанская и Пермская губернии входили в состав одного генерал-губернаторства, во главе которого находился генерал А. Е. Тимашев, в последующем возглавивший Министерство внутренних дел. Наконец, жившие здесь католики и протестанты также были очень тесно связаны друг с другом. Так, католики Вятской губернии даже после постройки Александровского костела административно подчинялись Казанскому римско-католическому приходу. Обширные духовные и родственные связи имели вятские, казанские и пермские баптисты, и евангельские христиане.

Степень изученности проблемы. Взаимоотношения российских властей с католиками и протестантами во второй половине XIX – начале XX века нашли отражение в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Отечественную историографию можно разделить на три больших периода: дореволюционный, советский и современный.

Дореволюционная историография. Исследователи данного периода не были едины в своих подходах к изучению истории западных христиан на территории России и их взаимоотношений с имперским руководством. По общественно-политическим воззрениям они делятся на три основных направления: консервативное, либеральное и революционно-демократическое. К представителям консервативного направления,

¹ См.: *Лиценбергер О. А.* Лютеранская церковь в Поволжье (с момента образования колоний до середины XIX в.) // История и культура российских немцев. Вып. 3. Саратов, 1996. Ч. 1. С. 55–66; *Её же.* Немцы-католики и правовое положение Римско-католической церкви в России в конце XIX – начале XX в. // Немцы в России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 256–269; *Редькина О. Ю.* Римско-католическая церковь в Нижнем Поволжье в XVIII – XX вв. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 1997. № 2 (12). С. 90–95.

работавшим во второй половине XIX века, относятся некоторые священнослужители Православной церкви (например, М. Морошкин)², представители профессуры (в частности, Д. В. Цветаев)³, а также ряд государственных деятелей, в частности Д. А. Толстой⁴, занимавший посты министра просвещения, руководителя МВД и обер-прокурора Святейшего Синода. Общей концептуальной позицией данных исследователей является тезис о продуманности и эффективности конфессиональной политики самодержавия, направленной на сохранение господствующего положения Православной церкви и предотвращение духовной экспансии в России западных конфессий, в первую очередь, Римско-католической церкви.

Из исследователей консервативного направления, работавших в начале XX века, следует выделить профессора права Казанской духовной академии И. С. Бердникова⁵, а также таких представителей православного клира, как епископ Алексей (Дородницын), протоиерей Т. И. Буткевич, священники А. Рождественский, А. Введенский и др.⁶ Если церковных исследователей второй половины XIX в. тревожила, в первую очередь, экспансия Римско-католической церкви, то названные авторы главную угрозу видели в активном распространении в России баптизма и близких к нему религиозных течений. При этом консервативные историки начала XX в. (в отличие от своих предшественников) высказывали недовольство либерализацией правительственного конфессионального курса, полагая, что это приведет к ускоренному распространению в империи протестантизма, а также подорвет позиции православия.

В работах указанных исследователей взаимоотношения государства и Православной церкви с католиками и протестантами рассмотрены либо на общеимперском уровне, либо на примере западных и южных регионов страны. Материал, относящийся к Среднему Поволжью и Приуралью, в них практически отсутствует. Однако в начале XX в. в рамках консервативного направления появились первые исследования, в которых стала затрагиваться проблема реализации конфессиональной политики в рассматриваемом регионе. Это работы православных миссионеров, сталкивавшихся с протестантами (в первую очередь, баптистами и евангельскими христианами) в ходе своей проповеднической деятельности: пермского епархиального миссионера А. Куляшева⁷, казанского священника М. Василевского⁸,

² *Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. Ч. 1–2. СПб., 1867–1870.

³ *Цветаев Д. В.* Положение иноверия в России: историческое обозрение. Варшава, 1904; *Его же.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.

⁴ *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России. Историческое исследование. Т. 1–2. СПб., 1876–1877.

⁵ *Бердников И. С.* Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914.

⁶ *Алексий*, епископ. Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1908; *Буткевич Т. И.* Обзор русских сект и их толков. Пг., 1915; *Рождественский А.* Южнорусский штундизм. СПб., 1912; *Введенский А.* Виногато ли духовенство в происхождении и развитии русского сектантства? СПб., 1912 и пр.

⁷ *Куляшев А.* Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так и мистического. Пермь, 1913.

⁸ *Василевский М.* Отчёт о состоянии расколо-сектантства и действиях миссии в Казанской епархии за 1903 г. Казань, 1904.

миссионера Сарапульского викариатства Вятской епархии И. Маракулина⁹ и др. Отличительной особенностью данных работ является их крайне тенденциозное отношение к евангельскому движению в регионе, которое воспринималось почти исключительно как результат духовной экспансии Запада. Научная значимость трудов православных миссионеров снижается не только из-за их тенденциозности, но в силу узости использованной источниковой базы. Они основываются, главным образом, на личных наблюдениях и рассказах очевидцев, а не на документальном материале.

При всех своих недостатках работы церковных авторов консервативного направления составляют важный пласт отечественной историографии. В них рассматриваются формы деятельности протестантских проповедников, каналы проникновения инославных религиозных течений в те или иные регионы страны, а также взаимоотношения неправославных христиан с официальной церковью.

В конце XIX в. в России стали появляться исследования, авторы которых придерживались иного взгляда на положение католиков и протестантов. Они не только обращали внимание на ущемление прав религиозных меньшинств в России, но и требовали изменения конфессионального курса. В результате формируется либеральное направление в отечественной историографии конфессиональной политики, к которому можно отнести историков П. Н. Милюкова¹⁰ и С. П. Мельгунова¹¹, правоведа М. А. Рейснера¹², участника народнического движения А. С. Пругавина¹³ и др. Исследователи либерального направления являлись убежденными сторонниками введения в России свободы совести и отмены всех дискриминационных ограничений в религиозной сфере. Они поддержали смену конфессионального курса правительства в годы Первой русской революции и принятие такого важнейшего документа, как указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости».

На рубеже XIX–XX вв. формируется революционно-демократическое направление в изучении российской конфессиональной политики и истории религиозных меньшинств, самым известным представителем которого являлся активный деятель большевистской партии В. Д. Бонч-Бруевич¹⁴.

Позиция представителей революционно-демократического направления в отношении конфессиональной политики российских властей была во

⁹ Маракулин И. Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г. // ВЕВ. 1915. № 40. С. 1193–1203; № 42. С. 1243–1250; № 43. С. 1267–1276; № 44. С. 1290–1296.

¹⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 2. Школа и церковь. СПб., 1905.

¹¹ Мельгунов С. П. Из истории религиозных общественных движений в России в XIX веке: Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектантство. М., 1919.

¹² Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1905; *Его же*. Церковь и государство. Свобода и тирания в делах веры. Пг., 1917.

¹³ Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905; *Его же*. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: К вопросу о веротерпимости. М., 1905; *Его же*. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909.

¹⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России: Доклад второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // Избранные сочинения: О религии, религиозном сектантстве и церкви. М., 1959. Т. 1. С. 308–313.

многим схожа с позицией либералов. Они подвергали жесткой критике репрессивные действия властей и Православной церкви в отношении религиозных меньшинств, зачастую сравнивая их с деятельностью инквизиции в средневековой Западной Европе. В отличие от либералов, деятели революционного движения считали, что религиозные диссиденты должны не просто отстаивать свои права, но и участвовать в борьбе с режимом, который эти права ущемляет.

Советская историография. Новый этап в исследовании конфессиональной политики самодержавия, а также истории российских неправославных христиан начинается после 1917 г. Отличительной особенностью трудов историков советского периода является идеологическое однообразие и доминирование атеистического взгляда на государственно-церковные отношения. Это видно уже в первых работах по истории западных христиан в России, вышедших в 20–30-е гг. XX в.¹⁵ Непосредственное отношение к избранному географическому региону имеет исследование историка и этнографа Н. М. Маторина¹⁶. К сожалению, в нем очень мало сказано о развитии в крае евангельского движения, а информация о местных католиках и лютеранах практически полностью отсутствует. Тем не менее, в книге Н. Маторина сформулированы некоторые принципы и подходы к оценке вероисповедной политики царского правительства, присущие всей тогдашней историографии. В ней резко негативно характеризовались действия центральных и местных властных структур в отношении конфессиональных меньшинств, которые сводились лишь к запретам и репрессиям. В то же время многим инославным группам давалась положительная характеристика. Конфессиональное диссидентство рассматривалось как проявление народного протеста против крепостничества и самодержавия, выраженного в религиозной форме.

В 30–50-е гг. XX в. исследователи редко обращались к дореволюционной истории западных христиан в Среднем Поволжье и Приуралье. Имеется крайне незначительное число публикаций, многие из которых лишь попутно затрагивают данную проблему¹⁷. Что касается общих работ по истории католицизма, протестантизма и сектантства в царской России, то в них уже нет резкой дифференциации между православной церковью и указанными конфессиями, которые рассматривались как одноплановые явления, имеющие одинаковую сущность и общие цели, хотя и расходившиеся по отдельным теологическим вопросам¹⁸.

В этот же период вышел ряд исследований, не имевших непосредственного отношения к рассматриваемой проблеме, но содержащих

¹⁵ Тихомиров Б. Баптизм и его политическая роль. М., 1929; Ярцев А. Секта евангельских христиан. М., 1928; Клибанов А. Адвентисты. Л., 1931 и др.

¹⁶ Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество. Ислам. Православие. Сектантство. М., 1929.

¹⁷ Клячкин Г. Сектантство и его сущность. Казань, 1959.

¹⁸ Майский Ю. Я. О сектантах. М., 1939; Сердобольская Л. А. Реакционная сущность баптизма. Л., 1960; Шейнманн М. М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX вв. М., 1958.

интересный фактологический материал по истории ряда конфессий. Примером служит книга П. Н. Луппова «Политическая ссылка в Вятский край»¹⁹, в которой приводятся краткие биографические сведения ряда католических священнослужителей, высланных в Вятскую губернию в ходе подавления польского восстания 1863–1864 гг.

Исследования советских ученых 60-х–конца 80-х гг. XX в., посвященные истории российских католиков и протестантов, отличались большей глубиной анализа, а также вовлечением в научный оборот значительного числа ранее не изученных источников. Среди трудов, посвященных истории баптизма, следует особо выделить работы А. И. Клибанова²⁰, Л. Н. Митрохина²¹, Г. С. Лялиной²² и др. Названные авторы подняли целый комплекс проблем, слабо разработанных предшествующими исследователями. Это, в первую очередь, вопросы, связанные с миссионерской деятельностью российских баптистов и евангельских христиан, их реакцией на внутривосточные и международные события и т. д. Написанные с привлечением широкого спектра первоисточников, они послужили важной основой для последующего изучения евангельского движения в России.

Из трудов, анализирующих историю баптизма в Среднем Поволжье и Приуралье, можно отметить работы удмуртских историков Ю. М. Ивонина и И. Ефимова²³, в которых есть немного информации о появлении и развитии евангельского движения на юго-востоке Вятской губернии (в советский период вошедшем в состав Удмуртии) в начале XX века. К сожалению, эти сведения основываются лишь на документах Центрального государственного архива Удмуртской Республики и не учитывают материалы иных архивов страны.

Другие региональные издания этого периода, посвященные истории баптизма в Среднем Поволжье и Приуралье, носят обличительный и пропагандистский характер²⁴. Научный уровень многих из них достаточно низкий. Кроме того, основное внимание уделено взаимоотношениям баптистов с советской властью, а не с царской администрацией.

Отмечавшееся в 1963 г. столетие польского восстания 1863–1864 гг. способствовало активизации научных исследований по истории польского национально-освободительного движения. Особый интерес и научную ценность имеют труды В. А. Дьякова²⁵, С. А. Лазутки²⁶, М. В. Миско²⁷,

¹⁹ Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933.

²⁰ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1965; *Его же*. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.

²¹ Митрохин Л. Н. Баптизм. М., 1974.

²² Лялина Г. С. Баптизм: Иллюзии и реальность. М., 1977.

²³ Ивонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: история и современность. Устинов, 1987; Ефимов И. Церковники и сектанты в Удмуртии. Ижевск, 1960.

²⁴ Герасимов М. М. Баптизм? Я – против! Казань, 1961; Клячкин Г. Сектантство и его сущность. Казань, 1959; Шишкин А. Идеология современного религиозного сектантства. Казань, 1962.

²⁵ Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 гг. М., 1967.

²⁶ Лазутка С. А. Революционная ситуация в Польше и Литве в 1859–1862 гг. М., 1963.

А. Ф. Смирнова²⁸ и др. Естественно, что основное внимание данные исследователи уделили изучению русско-польских революционных связей, но в то же время затронули проблему взаимоотношений российской администрации с римско-католическим духовенством.

В этот же период появляется немало региональных исследований по истории польской ссылки в России²⁹. Из ученых, занимавшихся данной проблематикой на материалах Среднего Поволжья и Приуралья, можно, в первую очередь, назвать В. М. Фоменкову³⁰, в работах которой содержатся сведения о некоторых лидерах вятских католиков, их быте, взаимоотношениях с местными жителями и властями.

Наконец, в 60–80-х гг. XX в. вышло несколько исследований, посвященных функционированию высших и центральных органов управления в дореволюционной России, из которых особое значение имеют работы П. А. Зайончковского³¹. Зайончковский является одним из первых советских историков, обративших внимание на то, что внутри российского правительства не было единой линии по многим вопросам, включая религиозный курс. Однако, поскольку конфессиональная политика не являлась объектом его специального изучения, данный вывод, применительно к указанной сфере, не был развит автором.

Характеризуя советскую историографию в целом, следует отметить, что религиозная политика царского правительства в отношении западных христиан практически не интересовала советских историков и если они вскользь касались данной тематики, то лишь в контексте рассмотрения иных проблем. Общие же работы по истории католицизма и протестантизма в нашей стране были чрезмерно идеологизированы и, как правило, связаны с задачами реализации атеистической пропаганды среди населения.

Современная историография. На рубеже 80–90-х гг. XX в. начинается новый этап в изучении католицизма и протестантизма в России и их взаимоотношений с российскими властями. Нормализация отношений с Русской православной церковью и другими религиозными организациями, а также провозглашение идейного плюрализма привели к резкому повышению интереса ученых к истории религии, а также конфессиональной политики.

В конце XX – начале XXI в. вышло несколько крупных работ, в которых рассматривается курс имперских властей в отношении Римско-католической церкви. Среди них следует особо выделить труды

²⁷ Миско М. В. Польское восстание 1863 г. М., 1962.

²⁸ Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963.

²⁹ Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки: 60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Минск, 1985; Митина Н. П. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М., 1966; Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976 и др.

³⁰ Фоменкова В. М. Польские революционеры XIX в. на Вятской земле // Политическая ссылка и революционное движение в России: Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 180–188; *Её же.* Участники польского освободительного движения в вятской ссылке // Учёные записки КГПИ. Киров, 1965. Вып. 19. С. 115–173.

³¹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Его же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

Д. Б. Билунова³², О. А. Лиценбергер³³ и А. К. Тихонова³⁴. Отличительной особенностью работ данных авторов является объективное и непредвзятое рассмотрение взаимоотношений российского правительства и Римско-католической церкви. Кроме того, они опираются на широкую источниковую базу, в первую очередь, материалы Российского государственного исторического архива, а саратовский исследователь О. А. Лиценбергер детально изучила немецкую периодику и мемуарную литературу. Однако Д. Б. Билунов и А. К. Тихонов основное внимание уделяют конфессиональной политике в отношении католиков в западных регионах Российской империи, в частности в Польше. Что же касается О. А. Лиценбергер, то ее интересовало, преимущественно, положение католиков в немецких колониях Нижнего Поволжья и Причерноморья, административно относившихся к Тираспольской епархии Римско-католической церкви. История католических общин в Среднем Поволжье и Приуралье и их взаимоотношения с региональными органами управления не рассматривались названными авторами.

Кроме того, в данный период вышел ряд общих работ по истории Римско-католической церкви в России. При этом, как и в дореволюционной историографии, в них содержатся различные, зачастую диаметрально противоположные, мнения на взаимоотношения российского государства и Римско-католической церкви. Наиболее благожелательную позицию в отношении Католической церкви занимают члены редакционного совета и авторы «Католической энциклопедии» В. Л. Задворный и А. Юдин³⁵, а также ксендз Б. Чаплицкий³⁶. Суть их подхода заключается в том, что католицизм в России выполнял цивилизаторскую миссию, способствуя проникновению сюда западной культуры и духовных ценностей. Однако российские власти и Православная церковь воспринимали католицизм как чужеродное явление, систематически подвергая его адептов репрессиям и дискриминации.

Совершенно иные оценки роли Римско-католической церкви в российской истории содержатся в ряде работ, выпущенных православным духовенством. Так, авторы сборника «Ватикан: натиск на Восток»³⁷

³² Билунов Д. Б. Правительственная политика в отношении Римско-католической церкви (60-е гг. XIX в.) // Вестник МГУ. Сер. 8. 1996. № 4. С. 19–43.

³³ Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; *Её же*. Немцы-католики и правовое положение Римско-католической церкви в России в конце XIX – начале XX в. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 – 1941 гг.). М., 2002. С. 256–269 и др.

³⁴ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи последней четверти XVIII – начала XX в. СПб., 2003; *Его же*. Власть и католическое население России в XVIII – XIX в. // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 140–146; *Его же*. Католическое население Западного края и центральная власть во второй половине XIX в.: проблемы взаимоотношений // А. И. Кошелев и его время: материалы междунар. науч. конф. Рязань, 2006. С. 291–297.

³⁵ Задворный В., Юдин А. История Католической церкви в России. Краткий очерк. М., 1995; Юдин А. Россия и Вселенская Церковь: судьбы российского католицизма // Религия и демократия: на пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993. С. 468–476 и др.

³⁶ Чаплицкий Б. Католическая благотворительность в 1860–1918 гг. Гатчина, 2009; *Его же*. История Католической церкви в России. СПб., 2000.

³⁷ Ватикан: натиск на Восток. М., 1998.

акцентируют внимание на конфликтных ситуациях между православными и католиками, утверждая, что даже в XX в. Римско-католическая церковь не отказалась от планов духовной экспансии в России. Как первый, так и второй подход представляются автору достаточно однобокими и излишне идеологизированными, что, естественно, не могло не отразиться на объективности их исследований.

Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. вышло значительное число публикаций, посвященных различным аспектам национальной политики в дореволюционной России, где также в той или иной степени затрагивалась проблема взаимоотношений российских властей с католиками. Особый интерес представляют работы М. А. Волхонского³⁸, М. Д. Долбилова³⁹, А. Каппелера⁴⁰, А. А. Комзоловой⁴¹, В. С. Дякина⁴² и др. Межнациональные отношения русских и поляков являлись предметом исследования А. В. Липатова⁴³ и Л. Е. Горизонтова⁴⁴. Работы последнего интересны еще и тем, что автор рассмотрел ряд проблем, практически не изученных дореволюционной и советской историографией (например, семейно-брачные отношения супругов с различной вероисповедной принадлежностью).

В этот же период был опубликован ряд работ, в которых затрагивались различные аспекты взаимоотношений Римско-католической церкви и государства в отдельных регионах дореволюционной России – Белоруссии⁴⁵, Верхнем Поволжье⁴⁶, Сибири⁴⁷. Однако на материалах Среднего Поволжья и Приуралья данная проблема почти не рассматривалась. Можно назвать лишь

³⁸ Волхонский М. А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы Первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 48–62.

³⁹ Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁴⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997; *Его же*. Национальное движение и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 100–110.

⁴¹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

⁴² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.

⁴³ Липатов А. В. Трудное соседство // Поляки и русские: взаимопонимания и взаимонепонимания. М., 2000. С. 7–14.

⁴⁴ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

⁴⁵ Ганчар А. И. Римско-католический костёл в Белоруссии (1864–1905 гг.). Гродно, 2008

⁴⁶ Кищенко М. С. Неправославные религиозные общины в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Молодёжь и общество: проблемы и перспективы развития. Материалы II Международной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и студентов. Ярославль, 2011. С. 174–176; Шабров И. В. Губернская администрация и религиозные организации в период вероисповедных реформ в России в начале XX века (на материалах Ярославской губернии, 1903–1914 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998.

⁴⁷ Недзелько Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири. 1881–1918 гг. Новосибирск, 2009; Никулина И. Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). Барнаул, 2004; *Её же*. О ссыльных польских ксендзах в Западной Сибири в 30–50-х гг. XIX в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. 2005. Т. 4. Вып. 2. С. 94–98; Семёнов Е. В. Католическая церковь в Забайкалье (1839–1930 гг.): очерк истории. Улан-Уде, 2009; Шостакович Б. С. Начальный период истории Иркутского римско-католического костёла и прихода // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие: материалы всерос. науч. конф. Иркутск, 2005. С. 235–244; Чаневич В. А. История Томского римско-католического прихода (XVII–XX в.) // Культура: философия и история. Томск, 1994. С. 110–113 и др.

несколько небольших публикаций, изданных в Казани, Перми, Ижевске и Кирове, в которых затрагивались отдельные аспекты истории местных католических общин⁴⁸. Однако они не дают целостного представления не только об истории государственно-католических отношений в регионе, но и об основных этапах становления и развития католицизма в Волго-Урале.

На рубеже XX–XXI вв. появляется ряд исследований по истории протестантизма в России. Большой вклад в изучение прошлого Евангелическо-лютеранской церкви внесли О. В. Курило⁴⁹, А. Бобылев⁵⁰ и уже упомянутая О. А. Лиценбергер⁵¹, которые фактически восстановили исследования по истории российского лютеранства, прерванные в советский период, обозначив основные векторы научного поиска по данной тематике.

Из региональных исследований по истории лютеранства можно назвать работы С. Э. Яловицкой⁵², П. Г. Ткаченко⁵³, Я. О. Бойченко⁵⁴ и др. Специальные труды по истории взаимоотношений Евангелическо-лютеранской церкви и государства в Среднем Поволжье и Приуралье практически отсутствуют. Из крупных исследований по истории лютеранства в регионе можно назвать лишь работу И. П. Корнилова⁵⁵, однако ее географические рамки ограничены только территорией современного Татарстана. Кроме того, основное внимание автор уделит взаимоотношениям местных протестантов с советской властью, а не с царским правительством.

⁴⁸ Бовкало А. А. Епископ Адам Станислав Красинский в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию ВУАК): материалы межрегион. науч. конф. Киров, 1994. С. 334–336; Липаков Е. В. Католический приход в Казани во второй половине XIX – начале XX в. и польская диаспора // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Казань, 2007. С. 94–100; Мосунова Т. П., Щуплецова Е. В. Александровский вятский костёл // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона): материалы междунар. конф. Киров, 1996. Т. 1. С. 436–438; Павлов В. А. Католическое духовенство в ссылке (по материалам ссылки в Казанскую губернию участников восстания 1863–1864 гг.) // Роль религии в становлении российской государственности: исторический опыт и современность: сб. статей международной науч.-практ. конференции. Магнитогорск – Челябинск, 2007. С. 280–287; Пичугина В. В. Деятельность католического прихода в Казани в XIX в. // Историческая наука в Казанском университете. Казань, 2000. С. 180–182; Шумилов Е. Ф. Из истории формирования первых неправославных христианских общин на территории Удмуртии. Первая половина XX в. // Стабильность государственно-конфессиональных отношений – залог гражданского мира и согласия: материалы науч. конф. Ижевск, 2004. С. 56–59 и др.

⁴⁹ Курило О. В. Лютеране в России (XVI – XX вв.): дис... канд. ист. наук. М., 1995; *Её же*. Лютеране в России (XVI – XX вв.). М., 2002; *Её же*. Очерки по истории лютеран в России (XVI – XX вв.). М., 1996.

⁵⁰ Бобылёв А. История и правовое положение Лютеранской церкви в России до 1917 г. // Наша Церковь. 1996. № 3–5.

⁵¹ Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI – XX в.). М., 2003; *Её же*. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917 – 1938 гг.). М., 2000; *Её же*. Военные и военнопленные протестанты и их роль в формировании Евангелическо-лютеранской церкви в России (XVI – начало XX в.) // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Вып. 6. Саратов, 2005. С. 26–29 и др.

⁵² Яловицкая С. Э. История финнов-лютеран в Карелии: этноконфессиональный аспект: дис... канд. ист. наук, Петрозаводск, 2002.

⁵³ Ткаченко П. Г. Взаимоотношения Евангелическо-лютеранской церкви и государства в контексте социально-экономического развития Юга России в XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук, Славянск-на-Кубани, 2011.

⁵⁴ Бойченко Я. О. О лютеранах в России, Нижнем Новгороде и не только. Н. Новгород, 2007.

⁵⁵ Корнилов И. П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): дис... канд. ист. наук. М., 2003.

В конце XX в. продолжил изучение баптизма такой известный отечественный религиовед, как Л. Н. Митрохин, работы которого были упомянуты в связи с развитием советской историографии⁵⁶. В этот же период различные аспекты развития евангельского движения в дореволюционной России стали разрабатывать Т. К. Никольская⁵⁷, С. Н. Савинский⁵⁸, Н. Н. Ярыгин⁵⁹ и др.

Помимо литературы, непосредственно посвященной западным христианам в России, использовались труды по истории Русской православной церкви. На рубеже XX–XXI вв. вышло несколько фундаментальных работ по истории РПЦ синодального периода, в которых косвенно затрагивались взаимоотношения официальной религиозной организации с католиками и протестантами. Статус Святейшего Синода в системе органов государственной власти России и его роль в выработке конфессионального курса были рассмотрены С. И. Алексеевой⁶⁰. Анализом религиозной политики Александра I занималась Е. А. Вишленкова⁶¹, а Александра II – С. В. Римский⁶². Следует также отметить труды С. С. Бычкова⁶³, В. А. Федорова⁶⁴, С. Фирсова⁶⁵ и др.

Поскольку данное исследование носит междисциплинарный характер, автор обращался к работам не только историков, но и правоведов, изучавших эволюцию российского законодательства во второй половине XIX – начале XX вв., а также функционирование органов управления. Непосредственное отношение к проблемам реализации конфессионального курса имеют труды В. Ф. Кощина⁶⁶, С. А. Лукьянова⁶⁷, А. А. Сафонова⁶⁸, Н. В. Шингаревой⁶⁹ и др.

⁵⁶ Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность. СПб., 1997.

⁵⁷ Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб., 2009.

⁵⁸ Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917 гг.). СПб., 1999.

⁵⁹ Ярыгин Н. Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. М., 2004.

⁶⁰ Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.

⁶¹ Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России в первой четверти XIX в. Саратов, 2002; *Её же*. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997.

⁶² Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX в. Ростов-на-Дону, 1998; *Его же*. Российская церковь в эпоху великих реформ: Церковные реформы в России 1860–1870-х гг. М., 2000.

⁶³ Бычков С. С. Русская Церковь и императорская власть: Очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 гг. М., 1999.

⁶⁴ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003.

⁶⁵ Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

⁶⁶ Кошин В. Ф. Проблемы государственно-конфессиональных отношений в политико-правовых доктринах либерализма и практике российского законодательства в начале XX века (историко-правовой аспект): автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2008

⁶⁷ Лукьянов С. А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI – XX вв.). М., 2007; *Его же*. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи в реализации государственной вероисповедной политики (1832–1917 гг.). М., 2009; *Его же*. Роль МВД дореволюционной России в регулировании религиозных отношений. М., 2003.

⁶⁸ Сафонов А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2008; *Его же*. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007.

Завершая историографический обзор, следует сказать несколько слов о зарубежной историографии. Большой вклад в изучение конфессиональной политики российского правительства в отношении Костела внесли польские ученые. Особый интерес представляют труды профессора Люблинского университета Б. Кумора⁷⁰, посвященные истории Римско-католической церкви в Польше, работы Э. Небельски и Э. Качинской, изучающих ссылку ксендзов-участников Январского восстания в Сибирь, а также С. Опели⁷¹, рассматривающего взаимоотношения Римско-католической и Православной церквей. Огромный интерес представляет и фундаментальный труд известного польского историка В. Сливовской⁷², посвященный ссылке участников восстания 1863–1864 гг.

Таким образом, несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных как общей истории католицизма и протестантизма в России во второй половине XIX – начале XX века, так и их взаимоотношениям с властями в отдельных частях империи (Польша, Белоруссия, Литва, Нижнее Поволжье), до сих пор отсутствует комплексное исследование вероисповедного курса в отношении неправославных христиан на обширной территории Среднего Поволжья и Приуралья.

Целью работы является всестороннее изучение сущности, принципов и эволюции конфессиональной политики центральных и региональных властей в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- рассмотрение основных социально-демографических характеристик католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья (сословное происхождение, образовательный уровень, профессиональная занятость и пр.), а также анализ влияния данных показателей на положение указанных конфессий;

- изучение эволюции религиозного курса российских властей в отношении католиков и протестантов;

- анализ российского законодательства, регулирующего правовой статус неправославных христиан;

- определение влияния внешнеполитического фактора на эволюцию конфессионального курса в отношении католиков и протестантов;

- изучение влияния Православной церкви на разработку конфессионального курса в отношении неправославных христиан;

⁶⁹ Шингарёва Н. В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. – феврале 1917 г. (историко-правовое исследование): автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁷⁰ Kumor B., ks. Historia Kościoła. Lublin, 1991.

⁷¹ Небельски Э. Католическое духовенство в ссылке в Восточной Сибири после польского восстания 1863 г. // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: материалы междунар. науч. конф. Иркутск, 2008. С. 160–174; Опеля С. Католичество и православие: история и современность // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 52–61.

⁷² Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych: Wilno, Sybir, Wiatka, Warszawa. Warszawa, 2000.

- анализ освещения политики российских властей в отношении католиков и протестантов в центральной и региональной прессе;
- выявление различных подходов внутри российской политической элиты к проблеме реализации конфессиональной политики в отношении католиков и протестантов.

Источниковая база диссертации. При работе над данным исследованием использовался значительный комплекс как опубликованных, так и неопубликованных источников. Большую их часть составили документы трех центральных и шести региональных архивов Российской Федерации, многие из которых были впервые введены автором в научный оборот.

Источники, положенные в основу представленного исследования, можно разделить на следующие группы: законодательные акты, делопроизводственная документация (протокольная и отчетная документация, деловая переписка и пр.), статистические материалы, периодика и источники личного происхождения.

Большое значение для изучения конфессиональной политики государства в отношении католиков и протестантов имеет анализ *законодательных актов*. Правовой статус западных христиан был закреплен в «Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных»⁷³. Свод содержал уставы различных конфессиональных организаций, функционировавших в России, в частности, уставы Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей. В них регламентировались права и обязанности данных религиозных объединений, а также их взаимоотношения с органами государственной власти Российской империи и Православной церковью. Свод юридически закреплял неравноправное положение католиков и протестантов по отношению к официальной церкви, в частности, фиксировал запрет на миссионерскую деятельность среди православных. Нарушение данного запрета предусматривало правовую ответственность, закрепленную в российском уголовном законодательстве⁷⁴.

Эволюция конфессиональной политики государства нашла отражение в различных нормативно-правовых актах рассматриваемого периода. Так, после подавления польского восстания 1863–1864 гг. вышел ряд указов и постановлений, усиливавших контроль местной администрации за деятельностью католического духовенства, а также затрагивавших систему епархиального управления Римско-католической церкви⁷⁵.

⁷³ Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1.

⁷⁴ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗ РИ. СПб, 1890. Т. XIV.

⁷⁵ Указ об упразднении Минской римско-католической епархии от 13 июля 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание второе. Т. 44. Ч. 1. № 47307; Указ о подчинении римско-католических церквей Минской губернии ведению Могилёвского архиепископа Митрополита римско-католических церквей в империи от 16 апреля 1883 г. // ПСЗ. Собрание третье. Т. 3. № 1515.

В годы революции 1905–1907 гг. российское правительство было вынуждено значительно смягчить конфессиональную политику в отношении религиозных меньшинств, в том числе и западных христиан. 17 апреля 1905 г. вышел такой чрезвычайно важный документ, как указ «Об укреплении начал веротерпимости»⁷⁶. Данный документ отменял юридическую ответственность за выход из православия и переход в другое исповедание. Кроме того, он снимал еще ряд важных дискриминационных ограничений в отношении неправославных христиан и фактически закреплял свободу вероисповедания в России. Однако он не отменял господствующего положения Православной церкви, сохранявшей значительные привилегии.

Вслед за указом 17 апреля 1905 г. последовали и другие важные нормативно-правовые акты, юридически оформлявшие новый либеральный курс правительства в конфессиональной сфере. Примером служит указ от 17 октября 1906 г., значительно упрощавший процедуру создания и регистрации неправославных религиозных объединений и сокращавший административно-полицейский контроль за их деятельностью⁷⁷.

Наибольшей информативной ценностью по истории конфессиональной политики в отношении западных христиан обладает *делопроизводственная документация*. Основной ее массив содержится в фондах административно-полицейских органов центральных и региональных архивов страны – Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ), Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ), Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИАЧР), Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГАУР), Государственном архиве Кировской области (ГАКО), Государственном архиве Пермского края (ГАПК).

Важнейшей группой делопроизводственной документации является переписка различных органов государственной власти, которую можно условно разделить на три подгруппы. К первой относится переписка вышестоящих органов с подчиненными. Различные циркуляры, предписания, приказы содержатся в фондах таких высших и центральных государственных учреждений, как Святейший Синод, Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии и Министерство внутренних дел. Особое значение имеют документы различных структурных подразделений МВД, в первую очередь, Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821), осуществлявшего непосредственный контроль за деятельностью инославных конфессий. Они раскрывают основное содержание и направленность конфессиональной политики российского правительства, указывают ее приоритетные цели и задачи. Большое

⁷⁶ Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. // ПСЗ. Собрание третье. Т. 25. № 26125.

⁷⁷ Указ о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов // ПСЗ. Собрание третье. Т. 26. № 28424.

количество циркуляров и предписаний, регламентировавших различные аспекты реализации религиозного курса, отложилось в фондах Департамента общих дел (РГИА. Ф. 1284), Канцелярии министра внутренних дел (РГИА. Ф. 1282) и Департамента полиции МВД (ГАРФ. Ф. 102).

Переписка вышестоящих органов с подчиненными содержится и в региональных архивах. Преимущественно, это фонды канцелярий местных губернаторов (вятского, казанского, пермского), а также губернских правлений. Это связано с тем, что именно данные структуры непосредственно реализовывали общеимперскую конфессиональную политику на региональном уровне, получая прямые указания из Петербурга. Так, в фондах канцелярии казанского губернатора и казанского губернского правления имеются многочисленные циркуляры Министерства внутренних дел, касающиеся вопросов взаимодействия с католиками и лютеранами. Примером может служить циркуляр МВД от 28 апреля 1872 г., устанавливающий порядок освобождения ссыльного римско-католического духовенства от гласного надзора полиции⁷⁸.

Католики и протестанты Среднего Поволжья и Приуралья были тесно взаимосвязаны друг с другом. К примеру, евангельские христиане Мамадышского уезда Казанской губернии имели значительные религиозные, деловые и родственные связи с единоверцами из соседнего Малмыжского уезда Вятской губернии, что способствовало быстрому распространению данного вероучения. Стремясь пресечь это, казанские жандармы пытались координировать свои действия с вятскими коллегами, что нашло отражение во второй группе деловой переписки – переписке между равными учреждениями. В фонде Казанского губернского жандармского управления (НАРТ. Ф. 199) сохранились письма и отношения, полученные от вятских жандармов, в которых содержалась достаточно важная оперативная информация. Она позволяла правоохранительным органам устанавливать лидеров и активистов евангельского движения, обнаруживать каналы поступления в край их проповеднической литературы и пр.

Выявление незарегистрированных общин евангельских христиан и баптистов, а также их тайной религиозной пропаганды среди адептов Православной церкви возлагалось на низовой административно-полицейский аппарат и на приходское духовенство. Они обязаны были немедленно информировать своё руководство о появлении на подконтрольной им территории любых признаков сектантства. Поэтому значительной информативной ценностью для исследователя обладает третья группа деловой переписки, осуществлявшаяся между нижестоящими и вышестоящими органами. К ней относятся многочисленные рапорты, донесения, представления и прочие документы.

В региональных архивах документы данной подгруппы отложились, в первую очередь, в фондах уездных и городских полицейских управлений

⁷⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3243. Л. 2.

(ГАКО. Ф. 716, 719, 721 и пр.). Существенное число источников по истории евангельского движения в регионе содержится и в фондах епархиальных консисторий – Вятской (ГАКО. Ф. 237), Казанской (НАРТ. Ф. 4), а также в фонде Пермского епархиального миссионера (ГАПК. Ф. 95). Данные структуры координировали борьбу с проникавшим в регион баптизмом, поэтому вели активную переписку с подчиненными им органами и должностными лицами. Большой интерес представляют дела о противодействии православному клиру распространению сектантства и взаимодействии духовенства в этом деле с представителями уездной администрации⁷⁹.

Помимо деловой переписки еще одним важным источником по истории конфессиональной политики в отношении неправославных христиан Среднего Поволжья и Приуралья является *протокольная документация*. Весьма значимы журналы заседаний различных губернских и уездных учреждений, в частности, Вятской и Казанской духовных консисторий, а также Сарапульского духовного правления. Если во второй половине XIX в. основным объектом внимания названных ведомств являлись старообрядцы и духовные христиане (молокане, хлысты, скопцы), то с начала XX в. – различные протестантские организации, в первую очередь, баптисты и евангельские христиане. Особый интерес представляют журналы Сарапульского духовного правления, находящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГАУР. Ф. 245). В них имеются не только важные сведения о географии распространения баптизма на территории современной Удмуртии и численности его приверженцев, но и информация о взаимоотношениях Православной церкви и баптизма.

Высокой степенью репрезентативности отличается *отчетная документация* (доклады, отчеты, докладные записки, справки и пр.). Участие представителей Римско-католической церкви в польском национально-освободительном движении, в частности в восстании 1863–1864 гг., отражено в отчетах Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821). Эти же документы позволяют рассмотреть ответные действия российской администрации в отношении нелояльного католического духовенства. Усилия региональных властей по стабилизации ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в первой половине 60-х гг. XIX в. отражены в отчетах временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерний А. Е. Тимашева (ГАРФ. Ф. 39).

Значительной информативной ценностью обладают ежегодные отчеты губернаторов, направляемые в Петербург. В них содержатся важные сведения о взаимоотношениях местных органов управления и неправославных христиан. Кроме того, в них имеются статистические данные о численности представителей религиозных меньшинств, например, евангельских христиан.

⁷⁹ ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5; ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 30. Л. 106; ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 29–32.

Большой интерес представляют отчеты различных структурных подразделений Православной церкви, занимавшихся миссионерской деятельностью. Наиболее весомо в них представлен материал о взаимоотношениях с баптистами и евангельскими христианами, датированный началом XX в. В отчетах содержится подробная информация о методах противодействия православному клиру распространению указанных вероучений на территории региона. Кроме того, отчеты содержат данные о каналах проникновения баптизма в Волго-Уралье⁸⁰, численности местных баптистов и евангельских христиан⁸¹, их лидерах и активистах⁸², а также связях с единоверцами из других губерний России⁸³ и зарубежных стран (например, США)⁸⁴.

Особый интерес представляют *судебно-следственные документы*: протоколы обысков и допросов, описи вещественных доказательств, показания обвиняемых и свидетелей, докладные записки следователей и т. д. Они содержатся в материалах судебных расследований об «антиправительственной деятельности» представителей некоторых инославных конфессий, в частности евангельских христиан. Здесь заключены обширные сведения о путях распространения нелегальной религиозной литературы, численности и структуре религиозных организаций, их догматике и ритуальных особенностях.

При анализе социально-демографических характеристик (численность, возрастной и половой состав, образование и пр.) католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья были использованы *статистические материалы*. Они содержатся, главным образом, в фондах губернских статистических комитетов региональных архивов (ГАКО. Ф. 574, НАРТ. Ф. 359), а также в фонде Центрального статистического комитета МВД (РГИА. Ф. 1290). Материалы статкомитетов позволяют проследить динамику численности представителей западных конфессий, их распределение по уездам, а также половой состав католиков и протестантов.

В архивных документах сведения по религиозному и этническому составу населения за ряд интересовавших нас лет отсутствовали. Их недостаток позволили восполнить опубликованные статистические источники. Данные о религиозном составе населения содержатся в «Памятных книжках Вятской губернии»⁸⁵, «Материалах для географии и

⁸⁰ ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

⁸¹ НАРТ. Ф. 4. Оп. 146. Д. 301; НАРТ. Ф. 4. Оп. 147. Д. 728; ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35 и т. д.

⁸² ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 32 об.

⁸³ ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 68.

⁸⁴ ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.

⁸⁵ Число жителей по вероисповеданиям в Вятской губернии в 1864 г. // Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 г. Вятка, 1866. С. 130–138; Ведомость о числе жителей по племенам за 1871 г. // Памятная книжка Вятской губернии на 1873 г. Вятка, 1873. С. 18–19; Распределение населения по главным вероисповеданиям // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 г. Вятка, 1902. С. 24–25; Население Вятской губернии по вероисповеданиям на 1904 г. // Памятная книжка Вятской губернии на 1905 г. Вятка, 1904. С. 26. и др.

статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» по отдельным губерниям⁸⁶, «Обзорах Казанской губернии»⁸⁷ и т. д.

Огромный интерес для исследователей представляют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи, состоявшейся в 1897 г. Здесь также содержится подробный материал о количестве католиков и протестантов в губерниях Среднего Поволжья и Приуралья, их половом составе и распределении по городам и уездам⁸⁸. Наряду с этим в переписи содержатся данные, отсутствующие в других статистических источниках, например, об образовательном уровне населения по вероисповеданиям.

На основании данных переписи 1897 г. можно проанализировать распределение католиков и лютеран по возрастным группам, рассмотреть соотношение численности представителей названных конфессий в городах и сельской местности и пр. Наконец, перепись 1897 г. дает распределение жителей по сословиям и профессиям на основе их национальной принадлежности. С учетом того, что в католических общинах региона доминировали поляки, а в лютеранских – немцы, можно установить и приблизительные показатели по их социальной стратификации.

Важным источником по заявленной проблеме являются *материалы периодической печати*, в которых отражены многие действия властей в сфере конфессиональной и этнической политики, а также реакция на них католиков и протестантов. Все использованные в работе газеты и журналы можно условно разделить на три большие группы. К первой относятся официальные светские и церковные издания, такие как «Вятские губернские ведомости», «Казанские губернские ведомости», «Вятские епархиальные ведомости» и пр. Публиковавшиеся здесь материалы отражали позицию руководства страны по тем или иным проблемам и обеспечивали поддержку проводимого курса большинством населения региона.

Ко второй группе относятся периодические издания самих католиков и протестантов, такие как «Гость», «Баптист» и пр. Они активно отстаивали свои интересы, поддерживали принцип свободы совести и заявляли о необходимости уравнивания в правах всех религиозных организаций в России.

Сходную позицию занимали газеты и журналы третьей группы – либеральные периодические издания (например, газета «Вятская речь»). Они также поддерживали идею свободы совести и осуждали репрессивные действия властей в отношении ряда конфессий, в частности баптистов и евангельских христиан.

⁸⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 458–459.

⁸⁷ Вероисповедный состав населения Казанской губернии // Обзор Казанской губернии за 1890 г. Казань, 1890.

⁸⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903. Т. XIV. Казанская губерния. С. 98; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903. Т. X. Вятская губерния. С. 84 и др.

Наконец, при проведении исследования использовались различные *источники личного происхождения*, в частности мемуары и переписка. Мемуарная литература широко привлекалась при изучении конфессиональной политики российских властей в отношении Римско-католической церкви в годы правления Александра II. Взаимоотношения властей с католическим клиром в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. нашли отражение в переписке виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева с министром государственных имуществ А. А. Зеленым⁸⁹. Эта же проблема неоднократно затрагивалась в воспоминаниях министра внутренних дел П. А. Валуева⁹⁰, который скрупулезно фиксировал события, связанные с Январским восстанием. Важные сведения о взаимоотношениях с Костелом содержатся в воспоминаниях военного министра Д. А. Милютина⁹¹, одного из активных участников Январского восстания О. Авейде⁹² и др.

Таким образом, по заявленной теме имеется обширный комплекс источников широкого информационного диапазона. Степень сохранности архивных документов по конфессиональной политике государства в отношении западных христиан Среднего Поволжья и Приуралья достаточно высокая, что позволяет решать заявленные исследовательские задачи. Вместе с тем, существует определенный дисбаланс в численности документов, посвященных различным конфессиям. Наиболее полно представлены материалы, касающиеся взаимоотношений российской администрации с Римско-католической церковью, в значительно меньшей степени отложились источники, затрагивающие курс в отношении лютеран. Повышенный интерес государства к католикам рассматриваемого региона объясняется тем, что по национальному составу они являлись, в основном, поляками, а после восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. последние воспринимались административно-полицейскими органами как потенциальные носители националистических и сепаратистских идей. Значительно меньший объем документального материала имеется по истории государственно-лютеранских отношений. Это объясняется тем, что лютеране до начала Первой мировой войны воспринимались государством как представители одной из наиболее лояльных и законопослушных конфессий, не требующие особого контроля.

Источники, использованные при создании данного исследования, отличаются друг от друга не только по своему происхождению, но и по уровню объективности в подаче и интерпретации материала. В силу этого необходимо комплексное и критическое изучение всего массива источников. Законодательные документы позволяют рассмотреть эволюцию конфессионального курса имперских органов власти, но не дают возможности рассмотреть нюансы ее реализации на региональном уровне.

⁸⁹ Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому // *Голос минувшего*. 1913. № 9.

⁹⁰ *Дневник П. А. Валуева – министра внутренних дел / под ред. П. А. Зайончковского*. Т. 1. 1861–1864 гг. М., 1961.

⁹¹ *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина. 1863–1864 гг. / под ред. Л. Г. Захаровой*. М., 2003.

⁹² *Авейде О. Показания и записки о польском восстании 1863 г.* М., 1961.

Восполнить этот пробел позволяет делопроизводственная документация, содержащаяся в фондах республиканских, краевых и областных архивов. Однако при всей своей информативной ценности данный вид источников, как правило, лишен личностного восприятия происходивших событий, поэтому исследователю важно обращаться к источникам личного происхождения. При изучении религиозной политики особую ценность представляют мемуары государственных деятелей, участвовавших в разработке и реализации конфессионального курса, а также воспоминания лидеров и активистов тех или иных религиозных организаций, оценивавшие деятельность властей с точки зрения соблюдения своих интересов. Материалы периодической печати позволяют более полно рассмотреть социально значимые события.

Таким образом, при осуществлении источниковедческого анализа необходим комплексный и системный подход, позволяющий выявить различные грани рассматриваемой проблемы.

Методология исследования. Методологической основой исследования служит теория модернизации, позволяющая проанализировать эволюцию конфессиональной политики в период проведения масштабных социально-экономических преобразований в России второй половины XIX – начала XX в.

Модернизационные процессы, происходившие в рассматриваемый период в России, обусловили глубокую трансформацию вероисповедного курса российских властей в отношении неправославных христиан. Успех реализуемых в стране преобразований в значительной степени зависел от участия в них представителей этносов, исповадовавших католицизм и протестантизм. Особое значение данный фактор приобретал в российской провинции, в частности в Среднем Поволжье и Приуралье, где западные христиане, несмотря на свою малочисленность, занимали важные посты в местных органах управления и играли серьезную роль в экономическом развитии региона.

Выявлению региональной специфики конфессионального курса способствовало обращение к методологическим наработкам Уральской академической школы историков, в частности модели фронтальной модернизации, разработанной И. В. Побережниковым⁹³. Концепт «фронтальная модернизация» означает осуществление модернизационных преобразований в условиях незавершенности процесса освоения периферийных территорий. К их числу в рассматриваемый хронологический период относилось и Волго-Уралье.

С позиции фронтальной модернизации специфика реализации конфессионального курса в отношении инославных христиан была обусловлена не только особой ролью последних в хозяйственном развитии

⁹³ *Побережников И. В.* Модель фронтальной модернизации в истории России: концептуальная интерпретация // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 16–27; *Его же.* Региональные варианты российской фронтальной модернизации: сравнительный подход // Региональный фактор модернизации России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 18–27 и др.

края, но и рядом других социально-демографических и геополитических причин. Так, в отличие от Польши или Западного края, Среднее Поволжье и Приуралья не являлось приграничной территорией и здесь отсутствовали серьезные геополитические риски. Местные католики и протестанты, не жили компактной массой, а представляли собой относительно небольшие религиозные объединения, функционировавшие в крупных городах региона.

На конфессиональный курс в отношении католиков и протестантов заметное влияние оказывала борьба внутри российской политической элиты между сторонниками модернизации и консерваторами. Последние выступали противниками вестернизации российского религиозного законодательства, отмены многочисленных дискриминационных ограничений в отношении инославных христиан и уравнивании их в правах с Православной церковью. Сопrotивление традиционалистов не позволило российскому правительству полностью завершить процесс либерализации конфессионального курса до событий Февральской революции 1917 г. Всестороннее рассмотрение взаимоотношений традиционалистов и реформаторов возможно лишь при использовании методологических подходов других наук, смежных с историей, в частности политологии.

Исследование базируется на принципах историзма, объективности, всесторонности и системности, требующих комплексного изучения явления вне зависимости от политической конъюнктуры, а также личных взглядов и убеждений ученого.

В процессе работы использовались такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, описание, сравнение и пр.

Из специально-исторических методов при работе над диссертацией применялись историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический методы. Историко-генетический метод, предполагающий изучение объекта исследования в процессе развития, применялся при анализе трансформации конфессионального курса властей в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья. Он помог выявить причины изменений в государственно-церковных отношениях, обусловленных влиянием как внутривполитических, так и международных факторов. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить правовое положение российских католиков и протестантов на различных исторических этапах. Историко-типологический метод дал возможность распределить исследуемые процессы и явления на однотипные группы, что было важно при анализе форм реализации конфессиональной политики.

При анализе социально-демографических характеристик протестантских и католических общин Среднего Поволжья и Приуралья использовались методы количественного анализа, позволяющие рассмотреть динамику численности адептов различных религиозных организаций во второй половине XIX – начале XX в., их этнический, половой, возрастной состав и пр. Они нашли применение при работе со статистическими

материалами, в частности, при составлении таблиц, представленных в приложениях к диссертации.

Научная новизна работы заключается:

в введении в научный оборот значительного числа новых источников, извлеченных из 50 фондов девяти федеральных архивов страны – Государственного архива Российской Федерации, Центрального исторического архива Москвы, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Национального архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива Удмуртской Республики, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива Кировской области, Государственного архива Пермского края;

в попытке впервые дать комплексный анализ конфессиональной политики российских властей в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья;

в выявлении региональной специфики осуществления конфессионального курса в отношении инославных христиан в сравнении с западными губерниями Российской империи;

в рассмотрении социально-демографических характеристик (динамика численности, география проживания, возрастной и половой состав, профессиональная занятость и пр.) католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья;

в изучении реакции католиков и протестантов, живших в Среднем Поволжье и Приуралье, на многие ключевые события в истории страны (польское восстание 1863–1864 гг., Первая мировая война и т. д.);

в подробном изучении судьбы ряда римско-католических и греко-католических иерархов, высланных на территорию Среднего Поволжья и Приуралья после подавления польского восстания 1863–1864 гг.

Практическая значимость работы. Материалы данного исследования могут быть полезны органам государственной власти, ответственным за реализацию конфессиональной и национальной политики. Они позволят избежать многих ошибок, допущенных в досоветский период при осуществлении вероисповедного курса и выработать сбалансированную линию, учитывающую интересы всех конфессий.

Кроме того, положения диссертационного исследования могут использоваться в научно-педагогической деятельности при создании лекционных курсов по отечественной и всеобщей истории, истории государства и права, политологии, религиоведении, истории государственного и муниципального управления, а также при разработке спецкурсов «История конфессий Вятско-Камского региона» и «Этнический фактор в истории России XX века».

Наконец, содержание данной работы может быть полезно различным учреждениям культуры (в первую очередь, библиотекам и музеям) при составлении различных справочников, каталогов и указателей, а также при

подготовке специализированных выставок, посвященных истории крупнейших религиозных организаций региона или функционированию местных органов управления.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Католики и лютеране, жившие в Среднем Поволжье и Приурале, относились, в основном, к привилегированным сословиям и отличались очень высоким образовательным уровнем, что позволяло им занимать важные посты в местных органах управления, судебной системе и армии. Католики и, особенно немцы-лютеране, составляли высокий процент среди инженерно-технических кадров ряда уральских предприятий (например, Ижевского оружейного завода). Все это делало положение католических и лютеранских общин региона достаточно устойчивым даже в случае неблагоприятного для них изменения общеимперской конфессиональной политики (в частности, в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. и в годы Первой мировой войны).

2. Конфессиональная политика России во второй половине XIX – начале XX века в отношении религиозных меньшинств, в целом, находилась в русле общеевропейских тенденций. Примерно за полвека она эволюционировала от различных форм дискриминации в отношении инославных христиан и нехристиан, до провозглашения в 1905 г. свободы вероисповеданий. В то же время, в отличие от демократических западных государств (например, Франции) в России даже в начале XX в. Православная церковь сохранила статус государственной религии, а конфессиональные меньшинства не были полностью уравнианы с ней в правах.

3. В российском руководстве в переломные моменты в жизни страны (польское восстание 1863–1864 гг., революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и т. п.) всегда возникали серьезные расхождения в методах реализации конфессиональной политики в отношении западных христиан.

4. В рассматриваемый хронологический период заметную роль в формировании общественного мнения в отношении католиков и протестантов стала играть пресса. При этом, если во второй половине XIX в. в Среднем Поволжье и Приуралье открыто действовали лишь проправительственные периодические издания, отражавшие официальную точку зрения, то в начале XX в. стали функционировать и оппозиционные газеты. Некоторые либеральные издания осуждали жесткие акции властей в отношении инославных христиан, отстаивая принцип свободы совести.

5. Жесткий административно-полицейский контроль за ссыльным римско-католическим духовенством, высланным в регион после подавления польского восстания 1863–1864 гг., во многом объясняется активным участием ксендзов в выступлении, включавшем даже их непосредственное участие в повстанческой борьбе.

6. Определенное влияние на политику властей в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья оказывала Православная церковь, опасавшаяся прозелитизма западных христиан среди своей паствы.

Воздействие православного духовенства на конфессиональный курс светских властей заметно ослабло к началу XX в. и многие решения последних шли в разрез мнению Святейшего Синода или епархиальных архиереев.

7. Начало Первой мировой войны было использовано консервативными кругами для изменения либерального курса в отношении российских религиозных меньшинств, начатого после издания указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». В наибольшей степени от этого пострадали немцы-лютеране, а также евангельские христиане и баптисты, обвинённые в прогерманских настроениях и бойкоте воинской повинности.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность результатов проведенного исследования определяется широтой использованных исторических источников, включающих в себя документы 50 фондов девяти центральных и региональных архивов России. Основные положения исследования отражены в 54 публикациях общим объемом 68,4 печ. л. К их числу относятся три монографии – «Католицизм в Вятской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» (Киров, 2001), «Неправославные христианские конфессии Вятско-Камского региона (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» (Киров, 2010) и «Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XIX в. – начало XX в.)» (Киров, 2015). Кроме того, материалы исследования опубликованы в ведущих периодических изданиях России, включая журналы «Вопросы истории», «Родина», «Военно-исторический журнал», «История государства и права», «Отечественные архивы», «Вестник архивиста» и др. Автор принимал участие в научных и научно-практических конференциях разного уровня – международных: «Шведы и Русский Север» (Киров, 1997), «Польская ссылка в России XIX–XX вв.: Региональные центры» (Казань, 1998) «Церковь в истории и культуре России» (Киров, 2010), «Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX – XX вв.» (Казань, 2011), «Восстание 1863–1864 гг. в Польше, Беларуси, Литве и Украине: история и память» (Минск, 2013), «Первая мировая война и национальный вопрос» (Пермь, 2014) и др., всероссийских – «Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств (Санкт-Петербург, 2008), «Меценатство, благотворительность, предпринимательство и социальная политика государства (традиции и современность)» (Киров, 2010), «Ижевск: российский город в исторической ретроспективе» (Ижевск, 2010), «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX в.)» (Казань, 2011), «Немцы в России: взгляд из провинции» (Киров, 2012) и пр., региональных – «Краеведение в развитии провинциальной культуры России» (Киров, 2009), «Вятская земля в прошлом и настоящем» (Киров, 2012), «Российская провинция и США: история отношений (на примере Вятско-Камского региона)» (Киров, 2012) и др. Положения диссертации обсуждались на различных «круглых столах», посвященных этноконфессиональным

проблемам, а также на ежегодных научных сессиях преподавателей и сотрудников Вятского государственного гуманитарного университета.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав (девять параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, 37 приложений. Общий объем диссертационного исследования составляет 541 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается научная значимость и актуальность темы, определяются ее объект, предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, формулируются цель и задачи исследования, характеризуются его методологические основы, степень изученности проблемы, источниковая база, показывается научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе – **«Католики и протестанты Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект»** – рассматривается социальный статус западных христиан региона, а также их основные демографические характеристики (динамика численности, размещение на территории Волго-Уралья и пр.).

В первом параграфе – *«Католики региона: социально-демографическая характеристика»* – обозначены основные этапы складывания католических общин Среднего Поволжья и Приуралья, а также проанализировано положение католиков в региональном социуме.

Первое массовое появление католиков на территории рассматриваемого региона относится еще к XVII в. Так, в период русско-польской войны 1654–1667 гг. здесь было размещено большое количество польских военнопленных, высланных, преимущественно, из Восточных Кресов.

Размещение новой крупной группы католиков связано с событиями второй половины XVIII в., в частности, с разгромом русской армией Барской конфедерации, пытавшейся сохранить суверенитет Речи Посполитой. Среди высланных в регион поляков были достаточно известные люди, например, генерал Чарнецкий и граф Морис-Август Беневский.

Третья волна лиц католического вероисповедания прибывает в Среднее Поволжье и Приуралье после разгрома в 1812 г. наполеоновской армии. По подсчетам Э. А. Цеглеева, к середине 1813 г. только в Вятской губернии разместили 1595 военнопленных, из которых 736 чел. (51,5%) составляли французы, 173 чел. (12,1%) – итальянцы, 171 чел. (12,1%) – поляки, 168 чел. (11,4%) – австрийцы.

Однако указанные массовые высылки католиков не привели к формированию в Среднем Поволжье и Приуралье крупных и устойчивых католических общин, поскольку практически все военнопленные после окончания военных конфликтов возвращались на историческую родину.

Ситуация изменилась после передачи в 1815 г. России Варшавского герцогства, в результате чего в состав нашей страны вошли основные этнические польские земли. С этого момента начался активный приток в

губернии востока Европейской части России поляков, особенно усилившийся в годы правления Александра II.

Всех представителей польской диаспоры можно условно разделить на две большие группы. К первой принадлежали лица, переехавшие в Волго-Уральский регион добровольно. К ним относились чиновники польского происхождения, трудившиеся в местных органах управления, инженеры, работавшие на промышленных предприятиях, предприниматели, врачи, и пр. Так, в Казанском университете преподавали такие выдающиеся ученые польского происхождения, как О. М. Ковалевский, В. Залеский, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. Впрочем, эта добровольность переселения в глубинные районы России также достаточно условна, поскольку названные категории поляков испытывали серьезные проблемы с трудоустройством у себя на родине.

Вторую группу образуют лица, принудительно высланные в Среднее Поволжье и Приуралье. Это были деятели польского национально-освободительного движения, в первую очередь, участники восстания 1863–1864 гг. Часть из них очутилась в местных арестантских ротах, других выслали административным порядком под надзор полиции. Общая численность репрессированных участников Январского восстания до сих пор точно не известна и является предметом дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной историографии. К примеру, казанский исследователь В. В. Пичугина в своем диссертационном исследовании отмечает, что лишь в европейские районы России выслали около 24 тыс. поляков.

Католические общины, сформировавшиеся на территории Среднего Поволжья и Приуралья, имели ряд общих черт. Во-первых, по своему этническому составу они были преимущественно польскими. Во-вторых, значительная часть вятских, казанских и пермских католиков относилась к привилегированным сословиям. Так, в конце XIX около 35% казанских поляков являлись личными и потомственными дворянами. В Пермской губернии этот показатель достигал 53,5%, в Вятской – 63%. В-третьих, вятские, казанские и пермские католики отличались от остальной массы населения высоким образовательным уровнем. К примеру, 71,7% вятских католичек были грамотными, тогда как среди православных женщин читать и писать могли лишь 8,2%. Около 70% казанских католиков имели образование выше начального, а некоторые из них закончили различные университеты страны, в первую очередь, Казанский. Дворянское происхождение и хорошее образование позволяли полякам занимать высокий статус в местной социальной иерархии. В Вятском крае поляки-католики были весомо представлены в губернском административном аппарате, а также в судебно-следственных органах. В Казанской губернии поляки составляли заметный процент среди интеллектуальной элиты, а также в офицерском корпусе Казанского военного округа. Все эти факторы позволяли католикам Среднего Поволжья и Приуралья эффективно отстаивать свои интересы и оказывать

заметное влияние на местное руководство, даже несмотря на свою относительную малочисленность.

Во втором параграфе – «*Лютеране региона: социально-демографическая характеристика*» – рассмотрен социальный статус лютеран, до начала XX в. являвшихся единственной крупной протестантской религиозной организацией в рассматриваемом регионе.

Лютеране Среднего Поволжья и Приуралья обладали во многом схожими социально-демографическими характеристиками. Абсолютное большинство верующих Евангелическо-лютеранской церкви на территории рассматриваемых губерний являлись немцами по национальности. В отличие от большинства местных католиков, сосланных в край за участие в польском национально-освободительном движении, лютеране приезжали сюда вполне добровольно. Основная их масса проживала в городах, хотя в Вятской губернии удельный вес горожан был заметно ниже, чем в Казанской и Пермской. Это связано с тем, что значительное количество вятских лютеран работало на промышленных предприятиях Ижевска, не имевшего в дореволюционный период статуса города. Свыше 1/3 казанских и вятских лютеран относилось к привилегированным сословиям – личным и потомственным дворянам, а также почетным гражданам. Это обстоятельство в совокупности с очень высоким образовательным уровнем, трудоспособностью и дисциплинированностью способствовали быстрому карьерному росту лютеран. Хотя по числу чиновников, работающих в губернской администрации, лютеране уступали местным католикам, однако, занимали более важные посты в региональной иерархии (например, вятский губернатор М. К. Клингенберг). Кроме того, лютеране играли важную роль в экономике Волго-Уральского региона. Примером служит Ижевский оружейный завод, имевший для России стратегическое значение. Лютеране не только составляли заметный процент среди инженерно-технических кадров предприятия, но и достаточно долгое время руководили им. Кроме того, они играли заметную роль и в других отраслях экономики, например в пищевой промышленности (особенно в пивоварении). Все указанные обстоятельства вкупе с полной политической лояльностью и неплохими отношениями с Русской православной церковью, ставили Евангелическо-лютеранскую церковь в особое положение среди неправославных христиан как Волго-Уральского региона, так и России в целом. Оно сохранялось на протяжении всей второй половины XIX в. и лишь в начале XX в. положение лютеран стало постепенно ухудшаться. Виной тому внешнеполитический фактор – нарастание российско-германских противоречий, что в конечном итоге вылилось в Первую мировую войну.

Во второй главе – «**Конфессиональная политика в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья в годы правления Александра II**» – рассмотрена реализация вероисповедного курса в период реализации масштабных реформ императора Александра II.

Первый параграф – «*Религиозный курс в отношении Римско-католической церкви*» – является самым крупным в диссертационном исследовании. Повышенное внимание автора к проблеме взаимоотношений имперских и региональных властей с католиками Среднего Поволжья и Приуралья объясняется тем, что данные отношения были составной частью так называемого «польского вопроса», являвшегося одной из самых болезненных проблем тогдашней России. Именно в польской среде возникло наиболее мощное национально-освободительное движение, а организованное им в 1863 г. Январское восстание являлось настолько масштабным, что в него оказались вовлечены даже группы поляков, живших в Волго-Уралье (так называемый «Казанский заговор 1863 г.»).

В первые годы своего правления Александр II продолжил в отношении Римско-католической церкви прежний курс, начатый еще его отцом. Он сочетал в себе пристальный контроль за католическим духовенством и ограничение ряда его канонических прав, с определенными уступками, призванными добиться лояльности клира в отношении российских властей. На общеимперском уровне до восстания 1863–1864 гг. продолжал действовать конкордат, заключенный Николаем I с Папой в 1847 г.

Еще большую лояльность в отношении Римско-католической церкви проявляли региональные власти. В Среднем Поволжье и Приуралье местные власти не только не препятствовали религиозной жизни католиков, но зачастую оказывали им разностороннюю и весьма существенную помощь. К примеру, в 1858 г. в Казани был построен римско-католический костел. Общие затраты на его возведение превысили 12 тыс. рублей, при этом 8 тыс. руб. (свыше 65% всей суммы) выделили муниципальные власти Казани. Настоятель казанского костела получил статус католического военного капеллана, и ему было назначено достаточно солидное по тем временам жалование от военного ведомства.

Однако начавшееся в январе 1863 г. мощное польское восстание продемонстрировало тщетность попыток русской администрации добиться лояльности Костела: клир, наряду со шляхтой, не только принял активное участие в выступлениях, но зачастую непосредственно руководил повстанцами в Царстве Польском и западных губерниях. С явным сочувствием к польскому национально-освободительному движению относились и многие католики, жившие во внутренних губерниях страны, в том числе Вятской, Казанской и Пермской. Наиболее ярким свидетельством тому являлся так называемый «Казанский заговор», в который оказались вовлечены некоторые служившие в регионе офицеры-поляки (Н. К. Иваницкий, А. Мрочек и др.), а также представители казанского комитета «Земли и воли». Заговорщики планировали поднять в регионе мощное восстание для того, чтобы оттянуть часть сил русской армии, занятых подавлением повстанческого движения на западе империи. Донос предателя привел к краху данного плана и аресту участников заговора.

Если на активное участие в национально-освободительном движении решались лишь единицы поляков, живших в Среднем Поволжье и Приуралье, то пассивное сопротивление действиям властей, направленным на его подавление, было уже более заметным. Во всех трех указанных губерниях фиксировались случаи ношения женщинами-католичками траура, что практиковалось еще участниками антиправительственных манифестаций в Польше и Северо-Западном крае в 1861 г. Также региональные власти отмечали случаи ношения различной польской символики.

Документы как центральных (ГАРФ, РГИА), так и региональных (НАРТ, ГАКО) архивов содержат примеры ещё более демонстративного неприятия многими местными поляками-католиками правительственного курса, направленного на жесткое подавление Январского восстания. К примеру, в августе 1863 г. во время бала в Вятском клубе почетного общества старший ревизор местного акцизного общества Ф. Кен отказался поднять бокал за виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, известного своими репрессивными акциями в отношении польских повстанцев.

Аналогичную позицию занимали и представители римско-католического духовенства. Настоятеля казанского костела О. Галимского подозревали в тайном проведении в феврале 1863 г. мессы в поддержку восставших. Летом 1863 г. ксендз был арестован в связи с приобретением у местных офицеров-поляков свыше 90 тыс. капсулей для патронов. Однако правоохранные органы не нашли никаких улик, доказывающих связь священника с польским подпольем. Более того, О. Галимскому удалось убедить следователей в том, что он планировал использовать капсули как материал для отливки церковного колокола. Лишь нежелание ксендза приводить к присяге новобранцев-католиков привело к его высылке в Архангельскую губернию.

Приведенные примеры сочувствия, а иногда и открытой поддержки польского национально-освободительного движения приводили к росту настороженности в отношении местных поляков-католиков. Формированию антипольских настроений в 1863–1864 гг. во многом способствовала и региональная пресса, печатавшая многочисленные статьи антипольской и антикатолической направленности. В них подробно описывались зверства польских повстанцев в отношении пленных русских солдат, православных священников и тех жителей Польши, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, которые отказывались их поддерживать.

Естественно, все это влияло на взгляды местного населения и его отношение к жившим в регионе полякам. В период польского восстания 1863–1864 гг. в Волго-Уралье постоянно возникали слухи о причастности поляков (в первую очередь, ссыльных) к крупным пожарам, о сборе ими пожертвований в помощь восставшим и пр. Антипольские и антикатолические взгляды разделяли и некоторые представители губернских администраций, обвинявшие своих коллег-поляков в политической неблагонадежности или неприязни к православию. Иногда подобные

обвинения приводили к отставке служивших в регионе поляков или их перемещению в другие губернии страны. Однако чаще всего губернаторы применяли подобные крайние меры лишь в случае уклонения их подчиненных-поляков от исполнения своих служебных обязанностей, либо проявления ими открытого покровительства своей диаспоре. Так, руководитель вятских жандармов полковник Адамович был переведен в другой регион за отказ осуществлять слежку за сосланным в Вятку виленским римско-католическим епископом Адамом Красинским, а царевкокшайский уездный исправник В. И. Трояновский – за тесные контакты с жившими в уезде ссыльными поляками.

Однако говорить о массовом изгнании поляков с государственной службы в Среднем Поволжье и Приуралье в середине – второй половине 1860-х гг. нельзя. В условиях нехватки квалифицированных специалистов заменить их часто было просто не кем. Поэтому даже через два года после окончания Январского восстания, когда в регионе еще не до конца утихли антипольские настроения, разогретые губернской прессой, поляки по-прежнему были весомо представлены во всех губернских органах управления. В 1865 г. из семи членов Вятского губернского правления трое являлись поляками. Большое число поляков работало и в уездных органах управления, особенно в лесничествах. В Малмыжском уезде Вятской губернии в 1866 г. поляки руководили двумя лесничествами из трех, а в Сарапульском уезде возглавляли оба местных лесничества.

Большое внимание в параграфе уделено взаимоотношениям властей с ссыльным римско-католическим духовенством. Ксендзы наряду со шляхтой принимали самое деятельное участие в Январском восстании, поэтому при его подавлении подверглись различным наказаниям, в том числе и административной высылке в восточные районы империи. Одним из крупнейших центров размещения ссыльного католического духовенства стало Среднее Поволжье и Приуралье. В годы правления Александра II на территории рассматриваемого региона оказались два католических (А. Красинский и К. Боровский) и один греко-католический (униатский) епископ (Я. Калинин), а также десятки ксендзов. В одной лишь Казанской губернии их насчитывалось 38 чел.

Отношение властей к ссыльному римско-католическому клиру было достаточно противоречивым. С одной стороны, все без исключения представители католического духовенства (в том числе и епископы), высланные административным порядком, находились под очень жестким контролем местной полиции. Все перемещения ссыльных священнослужителей по территории губернии, где они отбывали наказания, допускались лишь с согласия надзорных органов, да и то лишь в случае крайней необходимости. Полиция занималась перлюстрацией их корреспонденции, а также внимательно отслеживала их контакты с местными жителями. Региональные власти, а также православное духовенство оперативно и очень жестко реагировали на любые сообщения о попытках

прозелитизма ксендзов среди православных верующих, хотя практически всегда подобные обвинения оказывались ложными.

С другой стороны, в ряде вопросов центральные и местные власти шли на уступки римско-католическому духовенству, особенно ссыльным епископам. Так, виленский епископ А. Красинский сразу же по прибытию в Вятку добился открытия в своем доме римско-католической молельни, которая функционировала в течение всей его 20-летней ссылки. Согласие на открытие молельни было дано лично министром внутренних дел П. А. Валуевым. Наиболее лояльные ссыльные ксендзы вскоре после подавления Январского восстания получили право исполнять неотложные духовные требы местных католиков (крещение, венчание, отпевание усопших и пр.).

Необходимо также отметить, что взгляды отдельных представителей российской политической элиты на «польский вопрос» и взаимоотношения с Костелом заметно отличались. Наиболее жесткую позицию по обозначенным проблемам занимали руководитель Третьего отделения П. А. Шувалов, виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев, временный генерал-губернатор Казанской, Пермской и Вятской губерний А. Е. Тимашев и др. Несколько иных взглядов придерживался министр внутренних дел П. А. Валуев. Несмотря на участие в подавлении Январского восстания и в преследовании его участников, Валуев являлся противником крайних мер в отношениях с Костелом, выступая за возобновление диалога с ним.

Что касается местных губернаторов, то при реализации конфессионального курса в отношении католиков они всегда были вынуждены учитывать и высокое социальное происхождение большинства местных поляков, и их серьезные позиции в региональных органах управления. К примеру, вятский губернатор В. Н. Струков проигнорировал рекомендацию виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева не допускать публичных богослужений в молельне епископа Адама Красинского, мотивировав это тем, что на мессах бывают члены польской общины Вятки, занимающие высокое общественное положение.

Таким образом, реализуемый в 60–70-х гг. XIX в. Среднем Поволжье и Приуралье конфессиональный курс в отношении Римско-католической церкви был заметно мягче той религиозной политики, которая проводилась в западных районах империи. Католики были весомо представлены в местных органах управления, а также играли важную роль в ряде социально значимых сфер, в частности в образовании и медицине, поэтому региональные власти были вынуждены учитывать их интересы. Если в Польше и Западном крае в середине 60-х гг. были закрыты десятки костелов, то в Среднем Поволжье и Приуралье открывались новые католические храмы (например, молельня в Вятке).

Ссыльный католический клир, проживавший в регионе, естественно, находился под достаточно жестким административно-полицейским надзором,

однако это объясняется не религиозными, а, скорее, политическими причинами – активным участием ссыльных ксендзов в Январском восстании.

Во втором параграфе – «*Взаимоотношения с Евангелическо-лютеранской церковью*» – проанализирована конфессиональная политика Александра II в отношении этой крупнейшей протестантской религиозной организации в России.

Можно полностью согласиться с выводом известного специалиста по истории Евангелическо-лютеранской церкви О. А. Лиценбергер о том, что лютеране занимали привилегированное положение среди российских неправославных христиан. Об этом свидетельствует не только отсутствие каких-либо серьезных конфликтов лютеран с центральными и региональными властями России (до начала Первой мировой войны), но и их весомое присутствие в российских органах управления. Согласно данным П. А. Зайончковского к началу царствования Александра II из 55 членов Государственного совета лютеранами являлись 9 чел. (16,5%), а из 18 членов Кабинета министров – двое (11,1%). Особенно прочные позиции лютеране занимали во внешнеполитическом ведомстве. В 1853 г. из 19 российских послов и чрезвычайных посланников лютеранами являлись 9 чел. (47,4%).

В Среднем Поволжье и Приуралье лютеране занимали не менее прочные позиции в губернских органах управления, чем католики. Так, руководителем Вятской губернии в 1859–1863 гг. являлся лютеранин М. К. Клингенберг. Лютеране были весомо представлены в губернских правлениях, казенных палатах, а также судебных органах.

Наконец, лютеране играли значительно более существенную, чем католики, роль в экономическом развитии Волго-Уралья, в первую очередь, горнозаводской промышленности региона. К примеру, серьезный вклад в экономику Урала внес Ф. И. Фелькнер, открывший Кушайское месторождение серного и медного колчедана. В годы царствования Александра II лютеране играли важную роль в развитии Ижевского завода, занимая ключевые посты в его управлении (П. А. Бильдерлинг, Г. Стандертшельд и др.).

Этническое ядро лютеранских общин в Среднем Поволжье и Приуралье составляли немцы, которые, в отличие от поляков-католиков, всегда проявляли полную лояльность в отношении российских властей. Это также являлось одной из причин благожелательного отношения имперского руководства к данной протестантской организации.

Наконец, одной из важнейших причин привилегированного положения лютеран среди инославных христиан Российской империи было то, что последние установили вполне дружеские и партнерские отношения с Православной церковью, имевшей статус господствующей религиозной организации. На территории рассматриваемого региона ни в годы царствования Александра II, ни в последующие периоды не было никаких серьезных конфликтов между двумя церквями.

В Среднем Поволжье и Приуралье благожелательное отношение властей к лютеранам в 60–70-х гг. XIX в. проявлялось, в первую очередь, в том, что они не только никак не препятствовали, но зачастую содействовали строительству лютеранских культовых сооружений. Из 5 лютеранских церквей, действовавших в Вятской, Казанской и Пермской губерниях на момент свержения самодержавия, три были построены и одна капитально перестроена именно в годы правления Александра II. В 1864 г. по проекту архитектора Карла Боссе была возведена церковь св. Марии в Перми. В 1872 г. кирха появилась в Ижевске, где жило много немцев, работавших на местных промышленных предприятиях. Наконец, 1873 г. лютеранский храм св. Петра украсил Екатеринбург. При этом в ряде случаев государство напрямую финансировало строительство лютеранских культовых сооружений. Кроме того, центральные и региональные власти помогали местным лютеранам в решении многих важных проблем, одной из которых являлось привлечение пасторов в открываемые кирхи. С этой целью государство оплачивало немалые транспортные расходы пасторов в случае их переезда в Среднее Поволжье и Приуралье.

Финансовая и административная поддержка неправославной религиозной организации не только свидетельствовала об особом расположении российских властей к лютеранам, но и показывала их заинтересованность в привлечении Волго-Уралье специалистов, которые бы содействовали социально-экономическому развитию региона.

В третьей главе – **«Конфессиональный курс в отношении католиков и протестантов региона в 1881–1905 гг.»** – рассмотрена религиозная политика Александра III, а также Николая II до начала Первой русской революции и издания указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости».

В первом параграфе *«Политика в отношении Римско-католической церкви»* отмечается, что, несмотря на консерватизм Александра III, реализуемая им вероисповедная политика в отдельных случаях была даже мягче политики его отца-либерала. В частности, это касалось взаимоотношений с католиками.

Жестокое подавление польского восстания 1863–1864 гг. и репрессии в отношении католического духовенства не только предельно осложнили взаимоотношения имперских властей с Римско-католической церковью на западе империи, но и привели к разрыву в 1866 г. дипломатических отношений между Россией и Ватиканом. В годы царствования Александра III были сделаны определенные шаги на нормализацию государственно-церковных отношений, вызванные прагматическими мотивами – желанием заручиться поддержкой Костела с целью усиления русского влияния в Польше. Это было особенно важно в условиях постепенного роста германской угрозы.

Естественно, что в центре внимания российских властей были отношения с Римско-католической церковью на западе империи, где проживало несколько миллионов католиков. Однако определенная

корректировка вероисповедного курса ощущалась и в Волго-Уралье, где католики были представлены относительно небольшими диаспорами. Именно при Александре III были амнистированы последние католические священнослужители, сосланные в Вятскую, Казанскую и Пермскую губернии за участие в восстании 1863–1864 гг. Так, в 1883 г. закончилось 20-летнее пребывание в Вятке виленского епископа Адама Красинского, который не только был освобожден из ссылки, но и смог уехать за границу.

Некоторые представители духовенства, лишённые священнического сана перед высылкой, в данный период добились его восстановления. Ряд бывших ссыльных священников получили должности при католических храмах Среднего Поволжья и Приуралья.

В 1881–1905 гг. российские власти не препятствовали строительству в Волго-Уралье новых католических храмов. Обращение вятских католиков, выступивших в 1894 г. с инициативой возведения в губернском центре Александровского костела, было поддержано местным губернатором Ф. Ф. Треповым даже несмотря на противодействие православного архиерея – вятского епископа Сергия (Серафимова). В возникшей конфликтной ситуации глава Святейшего Синода К. П. Победоносцев не оказал поддержки епископу Сергию, поэтому тот не стал препятствовать строительству костела. В результате в 1903 г. в Вятке было завершено возведение римско-католического храма.

Во втором параграфе – *«Евангелическо-лютеранская церковь и государственная власть»* – рассмотрена конфессиональная политика российских властей в отношении лютеран на рубеже XIX – XX вв.

В 1881–1905 гг. положение Евангелическо-лютеранской церкви как в Волго-Уральском регионе, так и в России в целом, оставалось достаточно стабильным и устойчивым. Российское законодательство гарантировало лютеранам свободу и неприкосновенность своего вероисповедания. Определённым залогом соблюдения этих прав служило и то, что представители данной конфессии были по-прежнему заметно представлены в органах государственной власти России различного уровня, включая региональный. Вместе с тем, приход к власти консерватора Александра III, а также произошедшие незадолго до этого кадровые изменения в руководстве Святейшим Синодом не могли не отразиться на положении лютеран. Новый обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, стремившийся защитить интересы официальной церкви, инициировал принятие ряда нормативно-правовых актов, вводивших определённые ограничения в отношении религиозной деятельности протестантов, в том числе и лютеран. Серьёзный удар по религиозному образованию лютеран нанес указ 1890 г., предусматривавший передачу их церковных школ в ведение Министерства народного просвещения и перевод преподавания большинства предметов на русский язык. Наконец, усиление соперничества России и Германии на международной арене способствовало постепенному росту антинемецких настроений у правящей элиты, а позднее и в других слоях русского общества.

Это также не могло не повлиять на положение Евангелическо-лютеранской церкви, чьи приходы (без учета Финляндии, Эстонии и Латвии) состояли преимущественно из немцев.

В четвертой главе – **«Эволюция конфессиональной политики в отношении католиков и протестантов региона в 1905–1917 гг.»** – рассмотрены те изменения, которые произошли в религиозном курсе российских властей по отношению к неправославным христианам Среднего Поволжья и Приуралья в обозначенный хронологический период.

В первом параграфе – *«Взаимоотношения властей с Римско-католической церковью»* – проанализирована трансформация правового статуса католиков в годы революции 1905–1907 гг. и в период Думской монархии. 17 апреля 1905 г. Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», снявший многие дискриминационные ограничения как в отношении Римско-католической церкви, так и других инославных и нехристианских конфессий. В частности, отменялась уголовная ответственность за переход из православия в другие исповедания. Хотя данный документ не ликвидировал господствующего положения Православной церкви, сохранившей ряд особых прав (в частности, монопольное право на осуществление миссионерской деятельности), однако он стал важной вехой в либерализации российской конфессиональной политики.

Указ 17 апреля 1905 г. привел к переходу из православия в католицизм нескольких десятков тысяч верующих. Данное явление носило массовый характер в западных регионах империи, однако случаи перехода в католицизм имели место и в Волго-Уральском регионе. Чаще всего меняли веру лица, рожденные в смешанных в религиозном плане семьях. С XVIII в. российское законодательство допускало браки православных с инославными христианами без смены веры последними, однако дети, рожденные в таких браках, должны были унаследовать вероисповедание православного родителя. После 1905 г. многие из них, формально считавшиеся православными, но получившие католическое воспитание, официально причислялись к Римско-католической церкви. Кроме того, отмечались факты перехода в католицизм православных жительниц региона, вышедших замуж за католиков. Наконец, не исключено, что в отдельных случаях переход происходил под влиянием тайной миссионерской деятельности ксендзов. Документы фонда Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации свидетельствуют о резкой активизации в России в период Думской монархии различных католических орденов, а также украинского униатского духовенства во главе с митрополитом А. Шептицким. Однако правоохранительным органам Среднего Поволжья и Приуралья не удалось доказать причастность ксендзов ни к одному из подобных переходов.

В целом, в 1905–1917 гг. контроль местных административно-полицейских органов за католическими общинами Среднего Поволжья и

Приуралья заметно ослаб. Это было связано не только с либерализацией конфессионального курса, но и с тем, что в начале XX в. основное внимание правоохранительными органами уделялось борьбе с нарастающим революционным движением.

В данный период уже не фиксируется вмешательства властей в чисто религиозные вопросы жизни католиков региона. Более того, местная администрация помогала католическому клиру в решении ряда серьезных проблем. Так, в годы Первой мировой войны она содействовала пасторской деятельности ксендзов среди многочисленных беженцев-католиков, а также созданию различных польских благотворительных организаций.

Во втором параграфе – «*Положение Евангелическо-лютеранской церкви*» – рассмотрены факторы, негативно повлиявшие на политику российских властей в отношении лютеран.

Либерализация конфессиональной политики российского правительства, произошедшая в годы революции 1905–1907 гг., коснулась и Евангелическо-лютеранской церкви, хотя она и не испытывала таких серьезных дискриминационных ограничений, как ряд других неправославных христианских конфессий. Как уже отмечалось, указ 17 апреля 1905 г. устанавливал принцип свободы выбора вероисповедания и допускал беспрепятственный переход из православия в другую веру, в том числе и в лютеранство. Благодаря этому, в период Думской монархии в каждой губернии Среднего Поволжья и Приуралья ежегодно фиксировалось в среднем 3–4 подобных перехода.

Большое значение для Евангелическо-лютеранской церкви России имел и знаменитый манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший основные демократические права и свободы, в том числе и свободу союзов. Это позволило лютеранам Среднего Поволжья и Приуралья открыть в период Думской монархии ряд общественных организаций.

Однако либеральный этап конфессиональной политики самодержавия был прерван начавшейся летом 1914 г. Первой мировой войной. Российские лютеране вновь начали подвергаться различным формам дискриминации, а также стали объектом пристального контроля со стороны правоохранительных органов. Однако причина этого лежит не в религиозной, а, скорее, в национальной сфере: боевые действия с Германией привели к всплеску антинемецких настроений, а этническое ядро российского лютеранства составляли именно немцы. Кроме того, жесткость конфессионального курса в отношении Евангелическо-лютеранской церкви имела региональную специфику. Наибольшим репрессиям немцы-лютеране подверглись в прифронтной полосе (Польша, Волынь и пр.), в то время как во внутренних губерниях страны (в том числе в Среднем Поволжье и Приуралье) прессинг со стороны местных органов управления и полиции был существенно ниже. Если на западе империи имели место случаи закрытия кирх и высылки пасторов, то в Волго-Уралье в это время даже была открыта новая лютеранская церковь (в Вятке). Наконец, на востоке Европейской части

страны местные власти почти не препятствовали гуманитарной деятельности лютеранского клира среди беженцев, интернированных и военнопленных.

В третьем параграфе – «*Конфессиональная политика в отношении баптистов и евангельских христиан*» – рассмотрены взаимоотношения центральных и региональных властей с еще двумя протестантскими религиозными организациями, появившимися на территории Волго-Уралья лишь в конце рассматриваемого хронологического периода.

Стремительное распространение евангельского движения в регионе было связано не только либерализацией российского религиозного законодательства в годы революции 1905–1907 гг., но и с чрезвычайно высокой активностью самих баптистов и евангельских христиан. Если местные лютеране никогда не занимались прозелитизмом среди православных верующих, а католические ксендзы лишь изредка подозревались в тайном миссионерстве, то баптисты и евангельские христиане в период Думской монархии вели практически открытую агитацию среди адептов официальной церкви. При этом штрафы и краткосрочные задержания баптистских активистов не могли существенно повлиять на их деятельность. В результате к началу Первой мировой войны общины евангельских христиан и баптистов возникли не только в крупных городах региона, но и в ряде заводских центров (например, Ижевский и Мотовилихинский заводы), а также многих крупных селах.

Жесткая критика баптистами и евангельскими христианами Православной церкви, их активная миссионерская деятельность среди православных христиан, а также симпатии лидеров евангельского движения к либерально-оппозиционным партиям (в частности, к кадетам) привели к тому, что российские власти стали воспринимать баптизм как достаточно опасное религиозное течение.

Вскоре после окончания революции 1905–1907 гг. правительство П. А. Столыпина приступило к ограничению прав баптистов и евангельских христиан, закрепленных в указе 17 апреля 1905 г. Это проявилось в усложнении порядка проведения баптистских молитвенных собраний, а также в усилении административно-полицейского контроля за их деятельностью. Однако резкое ужесточение курса в отношении евангельского движения произошло уже в годы Первой мировой войны. Оно связано с давлением правоконсервативных сил и Православной церкви, недовольных быстрым распространением баптизма в России и увеличением численности его последователей за счет православных верующих. Баптисты и евангельские христиане были обвинены в политической неблагонадежности, пацифизме и прогерманских настроениях. В результате происходит закрытие молитвенных собраний русских протестантов, административная высылка их лидеров и активистов, вмешательство полиции в частную жизнь верующих (например, перлюстрация их корреспонденции). Сочувственное отношение к евангельскому движению со стороны представителей российской оппозиции (кадетов, части социал-демократов и пр.), а также либеральной прессы никак

не отразилось на их положении. Прекращение репрессий произойдет только после Февральской революции 1917 г., закончившейся свержением самодержавия.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы. Политика центральных и региональных властей в отношении католиков и протестантов региона претерпела значительную эволюцию в течение выбранного нами хронологического периода. Вплоть до начала XX в. главным объектом внимания властных структур были католики региона. Это подтверждается и наличием огромного количества документов, отложившихся в фондах административно-полицейских органов центральных и местных архивов. Пристальное внимание к Римско-католической церкви связано с тем, что ее отношения с имперскими властями складывались очень непросто. С момента вхождения Польши в состав России католическое духовенство активно поддерживало польское национально-освободительное движение. Кроме того, оно противодействовало реализации многих мероприятий российских властей и Православной церкви в западных районах империи (например, ликвидации униатства). Наконец, концепция о независимости Римско-католической церкви от светской власти и подчинении всех приходов Папе явно шла в разрез с эгалитарным подходом российских имперских властей.

Польское восстание 1863–1864 гг. предельно обострило и без того непростые отношения между Костелом и руководством страны. Ксендзы, наряду со шляхтой, приняли самое деятельное участие в Январском восстании, призывая прихожан поддержать повстанческое движение, либо непосредственно участвовали в боевых действиях против русской армии.

В Среднем Поволжье и Приуралье Январское восстание было встречено с явным сочувствием со стороны части живших здесь поляков-католиков. Примером служит так называемый «Казанский заговор» 1863 г., в ходе которого велась активная подготовка к вооруженному восстанию в регионе с целью отвлечения части российских войск от Польши и Западного края. В нем приняли участие некоторые жившие в крае поляки (офицеры расквартированных здесь армейских частей и студенты Казанского университета). Кроме того, практиковались и пассивные формы сопротивления, в частности, ношение траура и польской символики. Негативное отношение к жестким действиям властей на западе империи проявляли и жившие в Волго-Уралье ксендзы.

Позиция католического духовенства во время Январского восстания 1863 г. не могла не вызвать ответной реакции российских властей, которая была достаточно жесткой несмотря на известный либерализм Александра II. В западных районах Российской империи происходит массовое закрытие костелов и католических монастырей, многие из которых были перестроены в православные храмы. Ксендзы, уличенные в поддержке польского национально-освободительного движения, подвергались административной высылке в отдаленные районы Российской империи, в том числе и в Волго-

Уральский регион. После подавления восстания 1863–1864 гг. здесь оказались два римско-католических епископа (А. Красинский и К. Боровский), один греко-католический (униатский) епископ – Я. Калинин и несколько десятков рядовых ксендзов.

Именно в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. Среднее Поволжье и Приуралье стало объектом пристального внимания центральных органов управления Российской империи, отвечавших за реализацию конфессионального курса в отношении Римско-католической церкви. Подтверждением этому служит обширная делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах центральных и региональных архивов. Различные структурные подразделения Министерства внутренних дел постоянно делали запросы генерал-губернатору А. Е. Тимашеву и руководителям отдельных губерний Волго-Уралья о политических настроениях местных поляков-католиков, а также их реакции на события, происходившие в 1863–1864 гг. в западных регионах империи. Особое внимание уделялось ссыльному римско-католическому духовенству, воспринимавшемуся российской администрацией в качестве одного из главных носителей идей польского национально-освободительного движения.

Ссылные ксендзы в Волго-Уральском регионе подвергались различным дискриминационным ограничениям и находились под пристальным контролем местных правоохранительных органов, однако это связано не с их конфессиональной принадлежностью, а со статусом политических ссыльных. Приходские католические церкви в регионе (например, в Казани) функционировали без каких-либо серьезных ограничений, хотя первые годы после восстания за ними также сохранялся негласный полицейский надзор. По мере стабилизации общественно-политической ситуации в стране этот контроль постепенно ослабевал и местная администрация почти не вмешивалась в религиозную жизнь католических общин.

В отличие от католиков российские лютеране вплоть до Первой мировой войны не испытывали никаких серьезных проблем во взаимоотношениях с российскими властями как на центральном, так и на региональном уровнях. Приходы Евангелическо-лютеранской церкви во внутренних губерниях страны состояли, в основном, из немцев, которые, в отличие от поляков-католиков, проявляли полную политическую лояльность к руководству страны. Кроме того, сама российская политическая элита в XIX в. включала в себя значительное число немцев, часть которых принимала православие, а часть сохраняла приверженность Евангелическо-лютеранской церкви. Аналогичная ситуация наблюдалась и на региональном уровне. Среди губернаторов Волго-Уралья в рассматриваемый хронологический период также встречались лица лютеранского вероисповедания (например, М. К. Клингенберг). Наконец, у Евангелическо-лютеранской церкви (в отличие от Римско-католической) никогда не было серьезных конфликтов с Православной церковью, имевшей статус государственной религии в России.

Все эти факторы делали положение лютеран не просто устойчивым, но, фактически, привилегированным среди инославных конфессий. Лишь Первая мировая война, сопровождавшаяся ростом антинемецких настроений в стране, резко ухудшила положение российских лютеран. Однако в Волго-Уральском регионе административное давление в отношении лютеран было слабее, чем в других частях страны, особенно в прифронтовой полосе. Здесь даже в разгар войны не было закрытия лютеранских храмов и репрессий против пасторов. Более того, в Вятке именно в это время была построена кирха.

Положение баптистов и евангельских христиан в Среднем Поволжье и Приуралье существенно отличалось от положения католиков и лютеран. В отличие от Юга России, евангельское движение в регионе формировалось почти исключительно из русских, ранее являвшихся православными (отчасти старообрядцами и духовными христианами). До 1905 г. первые баптисты в регионе воспринимались как вероотступники, поэтому находились под контролем не Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (как католики и лютеране), а Святейшего Синода. В период нахождения во главе данного ведомства К. П. Победоносцева, крайне негативно относившегося к русскому баптизму, представители данной конфессии подвергались жестким преследованиям. В годы революции 1905–1907 гг. произошло значительное смягчение конфессионального курса, проявившееся в юридическом закреплении свободы вероисповеданий (указ 17 апреля 1905 г.). Ликвидация уголовной ответственности за выход из православия и снятие большинства дискриминационных ограничений позволили баптистам и евангельским христианам не только легализовать свою деятельность в регионе, но и многократно увеличить численность своих сторонников. Прозелитизм баптистов среди православных верующих и их симпатии к либерально-оппозиционному движению вызвали негативную реакцию Православной церкви и властей. Еще до 1914 г. происходит постепенное ужесточение курса в отношении евангельского движения, выразившееся в пресечении их религиозной агитации. После начала Первой мировой войны баптисты и евангельские христиане были обвинены в пацифизме и прогерманских настроениях, что дало повод властям подвергнуть их достаточно жестким репрессиям.

Таким образом, конфессиональная политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв. в целом находилась в русле общеевропейских тенденций демократизации государственно-религиозных отношений. В этот период происходил длительный и постепенный переход от господствующего положения одной религиозной организации к достаточно широкой веротерпимости. Длительность этого перехода в России объясняется негативным влиянием ряда внутривнутриполитических событий (например, польского восстания 1863–1864 гг.), а также сопротивлением консервативного крыла в российском руководстве, стремившегося сохранить господствующее положение Православной церкви и не допустить ее

уравнивания в правах с католиками и протестантами. Принятый 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» снимал многие дискриминационные ограничения в отношении российских католиков и протестантов и гарантировал им свободу вероисповедания. Тем не менее он сохранял за православием статус государственной церкви, а также ряд значимых привилегий (например, право миссионерской деятельности). Дальнейшей либерализации конфессиональной политики помешала Первая мировая война, сопровождавшаяся ростом шовинизма, и вновь резко ухудшившая положение ряда религиозных объединений.

В силу существования жесткой вертикали власти и строгой подчиненности региональных властей имперскому руководству, конфессиональная политика в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья в целом соответствовала общероссийским тенденциям. Тем не менее, реализуемый здесь конфессиональный курс был заметно мягче, чем в западных регионах Российской империи. Это связано с тем, что в Волго-Уралье отсутствовал негативный исторический опыт взаимоотношений с инославными христианскими конфессиями (как, например, в Польше и Западном крае). Кроме того, католики и лютеране занимали важные посты в губернских администрациях, в судебных органах и на промышленных предприятиях региона. В условиях дефицита квалифицированных специалистов заменить их русскими кадрами часто не представлялось возможным. Это также вынуждало региональные власти проводить в отношении неправославных христиан более сдержанную политику. Географическая удаленность региона от имперской столицы также позволяла сохранять определенную автономию в реализации конфессионального курса в том случае, если губернские власти не были заинтересованы в ухудшении отношений с местными католиками и протестантами.

В целом, католики и протестанты во второй половине XIX – начале XX в. занимали важную нишу в региональном социуме и играли существенную роль в осуществлении модернизации в Волго-Уралье, в частности в освоении природных богатств региона и в развитии горнозаводского сегмента уральской промышленности.

На специфику реализации конфессионального курса в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья заметный отпечаток накладывали этнический и геополитический факторы. В отличие от Польши, Прибалтики или даже соседнего Нижнего Поволжья (где существовали немецкие колонии), местные западные христиане жили не компактной массой, а были представлены небольшими диаспорами в губернских городах и крупных промышленных центрах Урала. Диаспорное расселение среди православного большинства региона существенно затрудняло развитие национального движения в польской и немецкой среде, как это было на западе империи. Кроме того, в отличие от Польши и

Финляндии Среднее Поволжье и Приуралье не являлось приграничным регионом и не испытывало серьезных геополитических рисков.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Публикации в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Машковцев, А. А. Польское католическое духовенство в вятской ссылке в 1860–1870-е гг. / А. А. Машковцев // Вопросы истории. – 2011. – № 3. – С. 91–100. – 0,7 печ. л.
2. Машковцев, А. А. Взаимоотношения Русской православной церкви с католиками Вятской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. История и юридические науки. – 2011. – № 2 (5). – С. 36–44. – 0,9 печ. л.
3. Машковцев, А. А. Документы Госархива Кировской области по истории религиозных меньшинств Вятского края (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. А. Машковцев // Отечественные архивы. – 2011. – № 4. – С. 64–71. – 0,6 печ. л.
4. Машковцев, А. А. Религиозный фактор в выступлениях удельных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии в 60-е гг. XIX в. / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 4 (1). – С. 33–40. – 0,8 печ. л.
5. Машковцев А. А. Ссылное католическое духовенство в Вятской губернии в 30–50-е гг. XIX в. / А. А. Машковцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13). – Часть 2. – С. 146–148. – 0,3 печ. л.
6. Машковцев, А. А. Католики Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: численный состав и размещение / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 2 (1). – С. 36–44. – 0,9 печ. л.
7. Машковцев, А. А. Лютеранская община Казани в годы Первой мировой войны / А. А. Машковцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (20). – Часть 2. – С. 131–134. – 0,4 печ. л.
8. Машковцев, А. А. Католические военные капелланы Казани в 60–90-х гг. XIX в. / А. А. Машковцев // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 11. – С. 56–60. – 0,6 печ. л.
9. Машковцев, А. А. Документы Национального архива Республики Татарстан – источники по истории казанских неправославных христиан.

Вторая половина XIX – начало XX в. / А. А. Машковцев // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 34–48. – 0,7 печ. л.

10. Машковцев, А. А. Католики Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 1 (1). – С. 45–53. – 0,9 печ. л.

11. Машковцев, А. А. Польское восстание 1863–1864 гг. и католические общины Казани и Вятки / А. А. Машковцев // Вопросы истории. – 2013. – № 10. – С. 138–146. – 0,7 печ. л.

12. Машковцев, А. А. Католическое духовенство в казанской ссылке: система административно-полицейского контроля / А. А. Машковцев // История государства и права. – 2013. – № 23. – С. 52–56. – 0,4 печ. л.

13. Машковцев, А. А. Под строгий надзор полиции: униатский епископ Ян Калинский в православной Вятке / А. А. Машковцев // Родина. – 2014. – № 4. – С. 63–66. – 0,4 печ. л.

14. Машковцев, А. А. Польское восстание 1863–1864 гг. в освещении губернской прессы Волго-Уральского региона / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 7. – С. 25–31. – 0,6 печ. л.

15. Машковцев, А. А. Лютеране Среднего Поволжья и Приуралья в 1855–1881 гг.: взаимоотношения с региональными властями и православным духовенством / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 8. – С. 36–48. – 1,0 печ. л.

Монографии

16. Машковцев, А. А. Католицизм в Вятской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / А. А. Машковцев. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2001. – 64 с. – 4,5 печ. л.

17. Машковцев, А. А. Неправославные христианские конфессии Вятско-Камского региона (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / А. А. Машковцев. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – 170 с. – 10,6 печ. л.

18. Машковцев, А. А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века / А. А. Машковцев. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2015. – 380 с. – 23,6 печ. л.

Учебные пособия

19. Машковцев, А. А. Общественно-политические и религиозные организации Вятско-Камского региона в начале XX в. / Ю. А. Балыбердин, А. А. Машковцев. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2015. – 102 с. – 6,4/3,1 печ. л.

Научные статьи

20. Машковцев, А. А. Польская католическая община Вятки на рубеже XIX – XX вв. / А. А. Машковцев // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры: материалы междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. – С. 59–64. – 0,4 печ. л.

21. Машковцев, А. А. Евангельские христиане Вятской губернии в начале XX в. / А. А. Машковцев // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории XIX–XX вв.: сб. науч. статей. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 12–27. – 1,0 печ. л.

22. Машковцев, А. А. Ссылные католические ксендзы в Вятской губернии во второй половине XIX в. / А. А. Машковцев // Европейский Север в культурно-историческом процессе: материалы науч. конф. – Киров: Кировская обл. тип., 1999. – С. 12–27. – 0,7 печ. л.

23. Машковцев, А. А. Лютеране Вятской губернии: социокультурный аспект / А. А. Машковцев // Европейский Север в культурно-историческом процессе: материалы науч. конф. – Киров: Кировская обл. тип., 1999. – С. 244–251. – 0,6 печ. л.

24. Машковцев, А. А. Ксендзы – участники манифестационного движения в вятской ссылке / А. А. Машковцев // Научный вестник Кировского филиала МГЭИ. – Киров, 2000. – № 5. – С. 76–81. – 0,4 печ. л.

25. Машковцев, А. А. Ксендз Иероним Виллянович / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного педагогического университета. – 2000. – № ¾. – С. 106–108. – 0,2 печ. л.

26. Машковцев, А. А. Участие ВГЖУ в реализации конфессиональной политики самодержавия в Вятской губернии в 1907–1914 гг. / А. А. Машковцев // Из истории вятских спецслужб: сб. науч. статей. – Киров, 2002. – С. 24–27. – 0,3 печ. л.

27. Машковцев, А. А. Епископ Адам Красинский и польское освободительное движение / А. А. Машковцев // Научный вестник Кировского филиала МГЭИ. – 2002. – № 12. – С. 69–74. – 0,4 печ. л.

28. Машковцев, А. А. Епископ Адам Красинский и манифестационное движение 1861 г. / А. А. Машковцев // Сквозь границы: Культурологический альманах. Вып.5. – Киров, 2006. – С.104–109. – 0,4 печ. л.

29. Машковцев, А. А. Вятская ссылка епископа Адама Красинского / А. А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3. – С. 50–58. – 0,8 печ. л.

30. Машковцев, А. А. Культурно-бытовое взаимодействие ссылного католического духовенства с населением Вятской губернии в 60-80-х гг. XIX в. / А. А. Машковцев // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор, 2007. – С. 175–179. – 0,4 печ. л.

31. Машковцев, А. А. Участие католического духовенства Западного края в польском революционном движении 60-х гг. XIX в. / А. А. Машковцев

// Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России: материалы всерос. науч. конф. – СПб.: Нестор, 2008. – С. 187–191. – 0,4 печ. л.

32. Машковцев, А. А. Сарапульские «немоляи»: к вопросу о времени возникновения и сущности секты / А. А. Машковцев // Самобытная Вятка: семья, патриотизм, толерантность : сб. ст. и материалов. – Киров: Лобань, 2008. – С. 79–86. – 0,4 печ. л.

33. Машковцев, А. А. Участие католического духовенства в польском национально-освободительном движении в середине XIX в. / А. А. Машковцев // Российская государственность в XXI в. (государственно-правовые институты и политические процессы в России: прошлое, настоящее, будущее): сб. ст. межрегион. науч. конф. – Киров: ИП Жидков В. А., 2008. – С. 124–130. – 0,5 печ. л.

34. Машковцев, А. А. Возникновение первых общин евангельских христиан в Вятской губернии в начале XX века / А. А. Машковцев // Краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы 2 науч. конф. – Киров: Лобань, 2009. – С. 120–126. – 0,3 печ. л.

35. Машковцев, А. А. Неправославные христианские конфессии Вятского края / А. А. Машковцев // Религии народов Вятского края: справочное пособие. – Киров: Лобань, 2009. – С. 126–160. – 2,0 печ. л.

36. Машковцев, А. А. Евангельские христиане Ижевска в начале XX в. / А. А. Машковцев // Ижевск: российский город в исторической ретроспективе: материалы всерос. науч. конф., посвященной 250-летию Ижевска. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2010. – С. 207–213. – 0,4 печ. л.

37. Машковцев, А. А. Неправославные христианские конфессии Вятско-Камского региона: историография проблемы / А. А. Машковцев // Научные труды филиала Волго-Вятской академии государственной службы в г. Кирове. Вып. 2 : ежегод. сб. – Киров, 2010. – С. 159–169. – 0,6 печ. л.

38. Машковцев, А. А. Литературная и научная деятельность епископа Адама Красинского / А. А. Машковцев // Десятые Петряевские чтения: материалы всерос. науч. конф. – Киров: Лобань, 2010. – С. 93–96. – 0,2 печ. л.

39. Машковцев, А. А. Немцы-лютеране Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / А. А. Машковцев // Вестник Пермского научного центра / Уральское отд-ние РАН. – Пермь, 2010. – № 2. – С. 79–85. – 0,7 печ. л.

40. Машковцев, А. А. Пастырская деятельность епископа Адама Красинского / А. А. Машковцев // Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв. : сб. науч. ст. и сообщ. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – С. 200–209. – 0,6 печ. л.

41. Машковцев, А. А. Политика вятского православного духовенства в отношении католиков края в 60–90-х гг. XIX в. / А. А. Машковцев // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 2 : материалы всерос. науч. конф. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань: Ихлас, 2011. – С. 236–241. – 0,6 печ. л.

42. Машковцев, А. А. Немецкая лютеранская кирха г. Вятки / А. А. Машковцев // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 28–32. – 0,2 печ. л.
43. Машковцев, А. А. Участие посольства США в оказании гуманитарной помощи германским и австро-венгерским подданным на территории Вятской губернии в годы Первой мировой войны / А. А. Машковцев // Россия и Соединенные Штаты: история отношений: сб. науч. статей. – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. – С. 25–29. – 0,4 печ. л.
44. Машковцев, А. А. Взаимоотношения казанских лютеран с местными правоохранительными органами в 1914–1917 гг. / А. А. Машковцев // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. материалов 2-й всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – С. 77–82. – 0,3 печ. л.
45. Машковцев, А. А. Ксендз Казимир Эйтутувич / А. А. Машковцев // Вятская земля в прошлом и настоящем: сб. материалов регион. науч.-практ. конференции. – Киров: Кировская обл. тип., 2012. – С. 342–346. – 0,25 печ. л.
46. Машковцев, А. А. Сарапульские молококане во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект / А. А. Машковцев // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: сб. статей. – Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2013. – С. 150–158. – 0,6 печ. л.
47. Машковцев, А. А. Январское восстание 1863 г. и региональные чиновники польского происхождения (на материалах Вятской и Казанской губерний) / А. А. Машковцев // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета): сб. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 280–285. – 0,3 печ. л.
48. Машковцев, А. А. Строительство Александровского костела в Вятке: позиция губернских властей и руководства Вятской епархии / А. А. Машковцев // Город на Вятке: история, культура, люди: материалы всерос. науч. конф. – Киров: ИД «Герценка», 2014. – С. 96–100. – 0,3 печ. л.
49. Машковцев, А. А. Миссионерская деятельность православного духовенства среди католиков и униатов Вятской и Казанской губерний в годы Первой мировой войны / А. А. Машковцев // Вятская земля в пространстве исторической памяти (к 110-летию открытия Вятской ученой архивной комиссии). – Киров: ИД «Герценка», 2014. – С. 92–97. – 0,4 печ. л.
50. Машковцев, А. А. Католики Казанской и Вятской губерний в годы Первой мировой войны / А. А. Машковцев // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сб. материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 424–433. – 0,5 печ. л.
51. Машковцев, А. А. Миссионерская деятельность Римско-католической церкви среди населения Европейской России в период Думской монархии / А. А. Машковцев // Актуальные проблемы этноэкологии на западе

и востоке славянского мира: сб. материалов междунар. науч. семинара. – Киров: Аверс, 2014. – С. 148–153. – 0,3 печ. л.

52. Машковцев, А. А. Конфессиональная политика региональных властей в отношении лютеран Казанской и Вятской губерний в годы Первой мировой войны / А. А. Машковцев // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. статей междунар. науч. конф. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2014. – С. 53–58. – 0,3 печ. л.

53. Машковцев, А. А. Католические священнослужители, высланные в Вятскую губернию с территории Беларуси и Литвы в 60-х гг. XIX в. / А. А. Машковцев // Паустанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – С. 328–338. – 0,7 печ. л.

54. Машковцев, А. А. Взаимоотношения католиков Волго-Уральского региона с органами государственной власти в период Думской монархии / А. А. Машковцев // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 2015. – № 25. – С. 76–81. – 0,4 печ. л.

Подписано в печать 02.11.2015 г.
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3,25.
Тираж 100 экз.
Заказ №135.

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
т. (8332) 262-390
610044, г. Киров, ул. Лепсе 69-48.

